

№9

Сентябрь 2021

РУССКИЙ КЛУБ

Стр. 31

**ТИФЛИС – «НОЕВ КОВЧЕГ»
НОВОГО ИСКУССТВА**

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rsmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№9
(191)
Сентябрь 2021

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4** О Т А Д О Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6** ГРИГОРИЙ ЗАСЛАВСКИЙ:
«ВСЕ ХОРОШЕЕ ЯВЛЯЕТСЯ НОВАТОРСКИМ!»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 12** ТАРИЭЛ ЦХВАРДЗЕ: «И ДАЛЬШЕ ЖИТЬ!»
НИНА ШАДУРИ
- 20** РУССКОЕ ЧУДО
- 22** ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30** НЕ ТЕРЯЙ ВРЕМЕНИ ЗРЯ!
- 31** ТИФЛИС – «НОЕВ КОВЧЕГ» НОВОГО ИСКУССТВА
ИРИНА ДЗУЦОВА
- 40** ДАВИД ЦЕРЕДИАНИ
КАМИЛЛА МАРИАМ КОРИНТЭЛИ
- 40** ПРИМИРЕНИЕ
ДАВИД ЦЕРЕДИАНИ
- 42** ВИНОГРАДНАЯ ГРОЗДЬ ИЗ КАМНЯ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 46** «ЖИВОПИСНЫЙ ОСТРОВ В ПУСТЫНЕ»
МАКА ДЖОХАДЗЕ
- 50** ДОМ, ГДЕ СОГРЕВАЛИСЬ СЕРДЦА
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

На обложке – У ХРАМА МЕТЕХИ
Фото **Александра Сватикова**

от а до я

Роб АВАДЯЕВ

ТРИ ВЕКА ОДНОГО МИРНОГО ДОГОВОРА

Ровно триста лет назад в международную политику Российского государства произошел крупнейший прорыв – 10 сентября 1721 года в финском Ништадте был подписан мирный договор между Швецией и Россией. Так завершилась долгая Северная война, длившаяся более двух десятилетий. Царь Петр, сам начавший ее в 1700 году, дабы закрепить на балтийских берегах, отрядил в переговорщики двух самых искушенных умников из своего окружения – легендарного сподвижника Якова Брюса, военного, ученого и политика, бывшего кроме всего прочего еще чернокнижником и алхимиком, и ловкого интригана и манипулятора Андрея Остермана. И потомок шотландских королей вместе с немцем на русской службе не подвели. Они по всем правилам дипломатического протокола подписали большой договор из 24 частей с преамбулой в присутствии иностранных наблюдателей. Ништадский договор был письменно подтвержден и гарантирован Англией и Францией. Произошел размен территорий. Отменена старая граница, закрепленная Столбовским договором 1617 года, а также русские вернули Шве-

ции захваченную Финляндию. России же и ее преемникам в вечное владение отошли территории Ингерманландии, части Карелии, а также Эстляндии и Лифляндии с городами Рига, Ревель, Нарва и др., островами Эзель и Даго. И представьте, целых 200 лет до самой Первой мировой войны это никем не оспаривалось. Правда, Петру пришлось за Прибалтику заплатить несусветную сумму в два миллиона ефимков. Нынче же это «предания старины глубокой» и любой передел европейских границ решительно осуждается всеми странами. Но тогда Ништадский договор вызвал бурную реакцию во всем мире, а в России большое ликование. Царь вышел к народу и войску и произнес: «Ненапрасны были труды наши...» и далее по тексту романа Алексея Толстого «Петр I».

НЕ БЫВАЕТ МАЛЕНЬКИХ РОЛЕЙ

Далеко не все актеры получают в своей жизни большие роли, многим достаются средние или эпизодические. Но, как известно, не бывает маленьких ролей. Ведь даже великая Фаина Георгиевна Раневская всю жизнь играла небольшие роли, особенно в кино. А в театре доходило до смешного, когда зрители, хлопая сиденьями, дружно покидали зал по окончании эпизода в революционном спектакле «Шторм», где Раневская блистательно играла в первом акте маленькую роль Маньки-спекулянтки. Вот и в богатой истории грузинского театра была талантливая артистка, гениально игравшая частенько очень небольшие по объему, но запоминающиеся роли. Ее естественность и достоверность подкупали зрителя своей искренностью. Зрители разных стран полюбили ее в роли сердечной и душевной бабушки Ольги в фильме по роману Нодара Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларион». Сесили Дмитриевну так и называли «бабушкой грузинской сцены». Она родилась в Батуми 30 сентября 1906 года, 115 лет назад в самой обычной рабочей семье. Училась в школе и мечтала о сцене. С детства была участницей самодеятельных драмкружков. А перебравшись с семьей

в начале двадцатых годов в Тифлис, юная Сесили поступила в Тифлискую драматическую студию в класс Акакия Пагава. После окончания студии двадцатилетняя актриса сначала поступила в театр Руставели, где проработала четыре года, пока не наступило для нее время перемен и поиска своего настоящего призвания. И Сесили Такашвили обрела свой сценический дом – Театр имени Котэ Марджанишвили, где ей суждено было успешно трудиться долгих 37 лет. Она одинаково прекрасно играла как роли мировой классики – Катарины из шекспировской комедии «Укрощение строптивой», Сюзанны в «Женитьбе Фигаро» Бомарше, Огудаловой в «Бесприданнице» Островского или же современных героинь. Но ее талант оказался востребованным и в кинематографе: Такашвили сыграла более сорока ролей в кино. И все ее героини были «с характером», они никогда не были безликими и забывались зрителям. За свой труд Сесили Дмитриевна была награждена орденами и медалями, званиями Народной артистки Грузии (1950) и Народной артистки СССР (1966), а также Государственной премией Шота Руставели в 1983 году и Государственной премией СССР 1985 года (посмертно) за роль в фильме «Голубые горы, или Неправдоподобная история».

ЮБИЛЕЙ ПОЧЕТНОГО ЗВАНИЯ

Существует традиция отмечать заслуги людей искусства. В советское время присваивали высшее почетное звание Народный артист Республики выдающимся деятелям искусства в области театра, музыки и кино. Оно было учреждено еще в далеком 1919 году. И самым первым из Народных заслуженно стал великий певец Федор Иванович Шаляпин. Но

с годами было решено, как говорит современная молодежь, сделать апгрейд. И в сентябре 1936 года появилось новое звание «Народный артист СССР». Первыми были удостоены мхатовцы Станиславский, Немирович-Данченко, Василий Качалов, Иван Москвин. Всего награжденных за всю историю существования звания было 1006 человек. Буквально перед самым развалом СССР в 1991 году, в числе последних одиннадцати удостоенных высшего звания стали – эстрадная певица Алла Пугачева и драматический актер Олег Янковский.

ИНТЕЛЛИГЕНТ НА ТРОНЕ

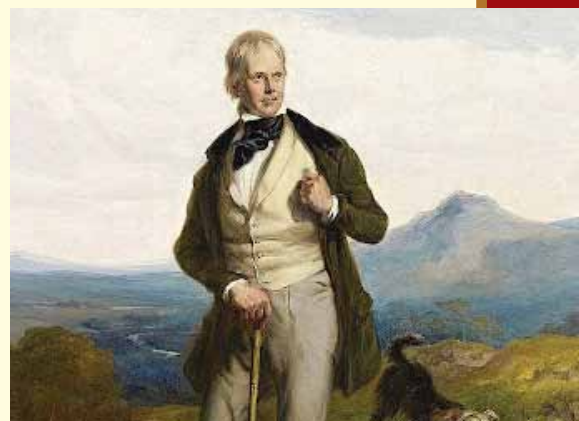
О, эти чудесные и таинственные сказки «1000 и одной ночи»! Сразу вспоминаются Аладдин со своей лампой, смелый Синдбад-мореход и все ожерелье чудесных историй, рассказанных Шахерезадой, каждая из которых прерывалась на рассвете, чтобы быть дорассказанной следующей ночью. В них действовали, жили и дышали смелые купцы, страшные чудовища, лихие герои-храбрецы и лукавые женщины. Многие из историй Шахерезада сочиняла про халифа Гаруна-аль-Рашида, который по ночам переодевался в платье простолудина и со своим верным визирем Джафаром отправлялся бродить по улицам Багдада, чтобы узнать, как в действительности живет его народ. И представьте себе, эти люди действительно жили на белом свете – халиф и его друг Джафар. Правда, звали халифа немного не так – Харун-ар-Рашид, или совсем точнее Абу Джафар Харун ибн Мухаммад, а прозвище ар-Рашид означало Праведный и было выбрано ему благородным отцом – третьим Аббасидским халифом. Сам же Гарун-аль-Рашид (будем называть его привычно) был пятым в династии. Он родился в 766 году от халифа и его любимой наложницы – рабыни из Йемена по имени Хайзуран. Это была очень серьезная

дама. Во-первых, он заставила влюбленного халифа освободить ее и жениться законным браком (привет вам от Роксоланы, она же Хюррем-султан из сериала «Великолепный век»), а во-вторых, убедила мужа отстранить от власти законного наследника, старшего сына халифа от другой дамы, принца Мусу и назначить своего любимого сына Гаруна. Но отец внезапно скончался и новым халифом стал Муса под именем аль-Хади. Это был решительный правитель, совсем неласковый и довольно жестокий. Но правил он, естественно, всего год и три месяца. Его то ли отравили, то ли задушили подушкой, сами знаете по чьему наущению (второй вам привет от «Великолепного века»). Так в двадцать один год, а точнее 14 сентября 786 года, Гарун вступил на престол. Правила, конечно, его мамаша с визирями из персидского клана Бармакидов – очень недурных государственных. А Гарун с самым младшим из них Джафаром проводил время в приятных прогулках, в том числе и по ночному Багдаду, веселых приключениях, пирушках с красивыми девочками, охоте и чтении стихов. А еще друзья занимались гуманитарными проблемами, оставив хлопоты по управлению государством маме Хайзуран и великому визирю Яхье ибн Халиб, отцу верного Джафара. Веселье Гаруна с другом продолжалось 17 лет. Правда, они успели совершить немало хороших дел: превратить Багдад в блестящую и интеллектуальную столицу Востока, возвести роскошный дворец халифа, основать университет и библиотеку, построить немало школ и больниц, покровительствовать наукам и искусствам, поощрять занятия музыкой. Много талантливой молодежи потянулось к халифскому двору – ученые, поэты, врачи и музыканты. Привечали даже иностранцев. Гарун-аль-Рашид и сам писал стихи, что было не редкостью на Востоке, а также увлекался астрономией. Особенно покровительство он оказывал торговцам, которые со своими караванами разнесли по всему миру весть о просвещенном и щедром владыке Аббасидского халифата. Короче, это был как бы Золотой век. Но все было не так просто – Гарун ждал своего часа, когда можно было выпустить из гуманитарной клетки свою свирепую натуру. Когда умерла мама, халиф стал потихоньку лишать власти всесильный визирский клан, а потом и вовсе совершил государственный переворот в 803 году. Он казнил своего друга Джафара (еще один привет из «Великолепного века»), якобы за любовный роман со своей любимой сестрой, и попросту пересажал всю его родню по сырым зинданам. А потом завел такой суровый порядок для

своих подданных, обложил их такими неподъемными налогами, что стал бояться мятежных багдадцев, переселившись в укрепленную крепость. Только вот жить осталось ему недолго – блестящий халиф, солнце просвещения, радатель наук и ремесел, покровитель бедноты и герой красивых историй, а на деле кровавый самодур и праздный бездельник, умер в возрасте сорока шести лет, оставив страну в преддверии гибели и раскола от гражданской войны между его наследниками. Такое вот несчастливое окончание сказки 1000 и одной ночи. Воистину говорят: бойся раба на троне и мудреца во власти!

НУЖНЫЕ КНИГИ

Во все времена люди выбирают себе полезные и нужные им книги. Для кого-то сугубо практичного это сочинения Дейла Карнеги, а для кого-то из предпринимателей «Семь нот менеджмента». В советское время среди молодых комсомольцев ценилась «Как закалялась сталь». В стародавние же времена по Мандельштаму «однодумы-генералы, свой коротают век усталый, читая «Ниву» и Дюма». Но большинство мальчишек взахлеб набирались храбрости, благородства и решительности, читая приключенческую классику Дюма, Буссенара, Джека Лондона, Майна Рида с Фенимором Купером и Хаггардом. Но в особен-

ности читали и почитали патриарха – создателя жанра исторического романа сэра Вальтера Скотта. Этому гению, создавшему великие образцы англоязычной прозы и прославившему родную Шотландию, в нынешнем году исполняется 250 лет со дня рождения. Давайте вспомним, каким трепетом и восторгом охватывались наши мальчишеские души, когда мы читали «Айвенго», «Квентина Дорварда», «Талисман» и «Роб Роя». И если на всю жизнь в сердцах мальчишек оставались благородство и отвага, то, говоря словами песни Владимира Высоцкого, «нужные книги ты в детстве читал».

ГРИГОРИЙ ЗАСЛАВСКИЙ: «ВСЕ ХОРОШЕЕ ЯВЛЯЕТСЯ НОВАТОРСКИМ!»

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Наш собеседник – ректор Российской академии театрального искусства (ГИТИС), театральный критик, кандидат филологических наук Григорий Анатольевич Заславский, которому в нынешнем году было присвоено звание заслуженного деятеля искусств Российской Федерации.

– Григорий Анатольевич, как произошло подключение ГИТИСа к проекту Летней театральной школы в Шекветили?

– Участие ГИТИСа в проекте Школы объясняется пассионарностью Николая Николаевича Свентицкого, который придумал этот проект! Когда мы с ним познакомились, стало понятно, что нам обоим, наверное, будет приятно сделать что-то вместе. Мы делимся опытом, знанием ГИТИСа, мне кажется, здесь, в Школе, нужно максимально де-

литься. Активно и страстно. Потому что это приведет, особенно в таких международных историях, к обогащению театра. Потому что, вернувшись в Тбилиси или в Украину, участники Школы будут чуть по-другому относиться к России. Видеть ее не только сквозь призму сегодняшних пропагандистских, справедливых и несправедливых публикаций, у себя на родине – ведь они навсегда запомнят опыт общения с нашими студентами, обаятельными, хорошими ребятами, которых никто специально для

Школы не отбирает. Мы просто берем курс, который готов поехать. Что касается преподавателей, то одна из них, специалист по сценической речи Лариса Кайдалова, уже здесь бывала. Доцент, кандидат искусствоведения Ирина Автушенко – один их авторитетных мастеров по сценречи, причем не только ГИТИСа, но и ВГИКа, приехала впервые. А еще Роберт Елкибаев – наш замечательный преподаватель на одной из лучших в России кафедр сценического движения и сценической пластики, ее возглавляет Айдар Закиров: он вел в Шекветили занятия в 2019 году. Мне кажется, самое главное – польза от этих уроков и воспоминания участников Школы о том, что в Шекветили были учителя и ребята из Москвы. Кто-то из великих сказал, что все войны заканчиваются переговорами. И все войны когда-нибудь заканчиваются в принципе. Тогда нужно будет заново выстраивать отношения. И если в предыстории у кого-то будет опыт этих совместных прекрасных дней на чудесной, гостеприимной, солнечной земле с песком у моря и одновременно очень полезными занятиями, то, мне кажется, мирный

Летняя театральная школа в Шекветили. Выступает Григорий Заславский

процесс пойдет чуть быстрее. Принципиально, чтобы ты ставил перед собой важнейшие и трудно достижимые цели. У меня это – профессиональное общение и смена национальных стереотипов, которые выстраиваются в течение многих последних лет. Мне кажется, мы добиваемся поставленных целей. Потому что студенты из Киева, приезжающие в Шекветили, мгновенно включаются в занятия. Здесь нет вообще разговора о политике. Я когда-то сформулировал, что нашим школам подходит правило, действовавшее в американской армии: не спрашивай – не говори. Мы сразу переходим к занятиям, к совместному творчеству, и очень важно, что Николай Николаевич Свентицкий каждый раз выбирает какие-то фигуры, одинаково дорогие для всех нас. Это может быть Роберт Стура или Темур Чхеидзе. Или как в этом году – Юрий Ряшенцев и Юлий Ким.

– На ваш взгляд, какие новые формы работы Школы возможны в будущем – кроме уже апробированных? Как Вы относитесь к идее постановки спектакля?

– Здесь может быть много

вариантов, но вот для того, чтобы поставить спектакль, нужно минимум три недели. Если что-то любительское, то можно и за два дня сделать. В пионерском лагере днем писали пьесы, а вечером уже представляли. Но все-таки когда речь идет о профессионалах, лучше, чтобы к любому промежуточному результату отношение было легкое, но ответственное. Здесь важнее то, что ребята вместе занимаются творчеством, вместе учатся, чем если они будут объединены какой-то твердой режиссерской волей на пути к спектаклю. Этой самой волей нужно сперва еще пропитаться. А сделать что-то на скорую руку и один раз сыграть? Это не тот театр, к которому мы стремимся.

– Как вы думаете, могли бы в рамках Школы проводиться какие-нибудь конкурсы?

– Это сомнительная вещь. Сравнивать русскую театральную школу с грузинской? У каждой есть свои достоинства. Здесь важно то, что мы вместе работаем, – школы разные, а учиться вместе нам ничто не мешает.

– Поддерживает ли ГИТИС связи с Тбилисским университетом театра и кино имени Шота Руставели?

– К сожалению, я не знаком с нынешним ректором тбилисского вуза. Весной в онлайн-формате в Тбилисском университете театра и кино имени Шота Руставели проходил ежегодный Международный фестиваль этюдов, он продолжался целый месяц. И ГИТИС получил главный приз за лучший этюд под названием «Хокку». Его подготовили студенты первого курса режиссерского факультета мастерской Юрия Николаевича Бутусова. Эта награда дорога как признание творчества ребят. В свою очередь, мы были бы рады принять представителей из Грузии на наших фестивалях сценического фехтования, режиссерских конференциях. Раз в год мы встречаемся в Шекветили. Встречаться хотя бы раз в год – это уже событие, особенно сегодня, в сложных обстоятельствах пандемии. Она еще больше осложняет нашу жизнь в дополнение к имевшимся проблемам коммуникации между Москвой и Тбилиси.

– А как пандемия отраз-

Обсуждение планов Летней театральной школы

и́лась на процессе обучения в ГИТИСе?

— Главный плюс — возможность проводить дни открытых дверей в онлайн-формате. Мы это сделали вынужденно в прошлом году. И в нынешнем вынужденно поступили так же. Но если даже все было бы открыто, и вакцины защищали бы людей, и не появлялись бы новые штаммы, да и вообще все было бы прекрасно и замечательно, мы все равно провели бы дни открытых дверей именно тем способом, который открыли для себя год назад — онлайн. Это позволяет принять в них участие сотням или даже тысячам абитуриентов, особенно если речь об актерском, режиссерском факультетах. Но и для продюсерского и театроведческого факультетов такая форма позволяет провести куда более масштабную профориентационную работу. Первоначальный процесс селекции на этом этапе уже происходит. И все-таки отрицательных последствий пандемии гораздо больше. Регулярно фиксируются случаи заболевания ковидом на том или другом курсе. Происходит их перевод на карантин. Меняется график занятий. Творческий процесс приобретает те формы, которые делают творчество более условным и менее... горячим. У всех людей искусства температура должна быть

выше, чем 36 и 6. Этого градуса в режиме Zoom достичь чрезвычайно сложно. Мы не относимся к тому, что происходит в Zoom, как к полноценным занятиям по практическим дисциплинам. Мы отменили постановки спектаклей на невыпускных курсах — и это плохо! Играем только дипломные спектакли. В зале, заполненном на двадцать пять процентов.

— Расскажите, пожалуйста, об инновациях в ГИТИСе.

— Мы очень активно ведем издательскую деятельность. За прошлый год выпущено больше сорока книг. Вот только что вышло интересное издание: впервые за 30 с лишним лет в Москве увидели свет новые испанские пьесы — это сборник каталонской драматургии. А в серии «Драмтеатр» тоже впервые в России перевели и издали пьесы ныне очень известного французского писателя, драматурга, сценариста, режиссера Флориана Зеллера. Планируем на будущий год выпустить несколько книг к 400-летию со дня рождения великого французского комедиографа Жан-Батиста Мольера. Хотим провести конкурс современной комедии на русском языке. Издать книгу старых и новых переводов Мольера, потому что и старые переводы прекрасные. Но вот недавно в Театре имени Маяковского вышел спектакль

«Школа жен», режиссер взял перевод Дмитрия Быкова. И это совершенно другой, новый, вызывающий живую реакцию зала текст. Чего и добивался, собственно, Мольер! Мы издали книгу мемуаров актера, режиссера Владимира Алексеевича Андреева, которую готовили еще при его жизни. Накануне нового года впервые на русском в издательстве ГИТИС вышла книга выдающегося французского режиссера и педагога Антуана Витеза. Для нас это очень-очень важно. Параллельно мы впервые провели онлайн школу «Академия русской оперы». Это то, что реально можно делать онлайн!

— Григорий Анатольевич, вы входите в экспертный совет недавно созданного Президентского фонда культурных инициатив. Расскажите, пожалуйста, об этом.

— По указу Президента России Владимира Путина в нынешнем году был создан Фонд культурных инициатив, который стартовал 15 июня. Он дает возможность подавать заявки не только некоммерческим организациям, но и частным культурным учреждениям, частным театрам, музеям, индивидуальным предпринимателям, которые придумывают что-то междисциплинарное. Там несколько грантовых направлений, в частности, связанных с продвижением рус-

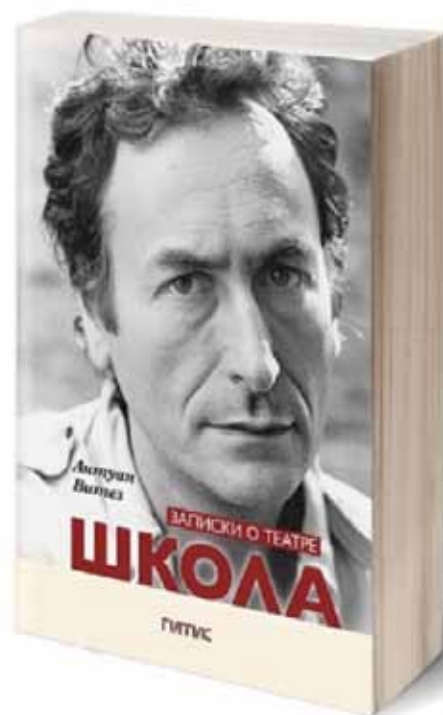
ского языка, русской литературы. Такая школа, как «Шекветили», например, имеет шансы претендовать на помощь Фонда. Совсем не обязательно, чтобы заявленное было непременно реализовано до 31 декабря 2021 года. Это может быть и двухлетний проект до конца 2022 года. Если новую школу мы проведем при поддержке этого Фонда, я буду очень рад. Я уже выступал как член объединенного экспертного совета, и в рабочей группе мы разрабатывали и обсуждали номинации. Мне было важно, что впервые финансовая поддержка культурных проектов обусловлена ценностными ориентирами. Пересечения возможны, но разные направления дополняют друг друга. Нужно продумать, чтобы каждый новый необычный культурный проект нашел свое направление. Я связываю очень большие надежды с этой новой формой государственной поддержки культуры. Мне кажется, многие проекты, которые сегодня поддерживаются в России, должны скорее финансироваться из частного кармана. Вот — свежий пример. Как эксперт одного из проводимых конкурсов, рассматривал проект, в котором, по замыслу авторов, четыре режиссера должны были делиться своими сиюминутными переживаниями с четырьмя зрителями. Восемь показов, 32 зрителя... Мне кажется, такие маломасштабные проекты как всякий малобюджетный эксперимент можно делать вообще бесплатно, для этого никакие деньги не нужны, — чтобы четыре режиссера говорили о том, что их волнует, в течение двенадцати минут. Они просили миллион двести рублей. При этом наверняка есть команды молодых актеров, режиссеров, которые хотели бы сделать что-то существенное, масштабное, как когда-то Станиславский с Немировичем-Данченко, нашедшие, кстати, частную поддержку. А сегодня в России, как и в других странах, например, в Англии, крупнейшим меценатом является государство. В некоторых случаях оно выступает и как спонсор, рассчитывая на какую-то выгоду. Не буквально финансовую, естественно, а выгоду с

точки зрения искусства, предполагая, что на эти деньги будет создано что-то стоящее.

— Обычно наибольшую активность проявляют посредственности.

— К этому мы тоже готовы. На протяжении долгого времени я работаю в экспертном совете в Фонде президентских грантов, и бывают случаи, когда подаются заявки десять раз и на десятый получают. Тут, мне кажется, важно уточнить: важна не только и не столько пробивная сила, но и качество самой заявки. Те, кто более осознанно обращаются за помощью, часто находят софинансирование и тогда уже у экспертов нет ощущения, что это не нужно никому, кроме людей, которые это придумали. Важно, чтобы проект имел зрительский и созидательный потенциал. Чтобы проект в итоге не рассорил людей, а напротив, объединил, как объединяет собой любой великий театр.

Сами слова «инновация», «креативная индустрия», как что-то новое и малопонятное, побуждают большое количество людей, которые под эту сурдинку рассчитывают получить деньги на свою белиберду, — с нею они двадцать раз обращались прежде по направлению «традиционные ценности» и «классические ценности», потом — «нетрадиционные ценности», а теперь будут выдавать то же самое за «креативные инновационные проекты». Хотя там нет ничего относительно нового. Московский Художественный театр был в свое время и самым креативным, и самым инновационным проектом. С учетом того, что опыт этого театра был воспринят как наилучшая модель организации театра и его существования всем миром! Так что это можно было бы назвать еще и успешным стартапом. Другое дело, что Станиславский с Немировичем дивиденды не успели получить. Но то, что само понятие русского театра сегодня связано во многом с МХАТом, — это тоже дивиденды, которые мы сегодня продолжаем получать в эмоционально-доброжелательном тоне. Читают: русский театр и верят, что будет хорошо,

что хорошая школа. Может быть, она уже не везде хорошая, а где-то и плохая. Но благодаря Станиславскому и Немировичу-Данченко этот шлейф доверия, уважения присутствует. На пресс-конференции Фонда культурных инициатив, рассказывая о школе в Шекветили, я называл ее участников — Киевский университет театра, кино и телевидения имени И. Карпенко-Карого, Тбилисский университет театра и кино имени Шота Руставели, ГИТИС и Казахская национальная академия искусств имени Т. Жургенова, и вдруг выясняется, что один из участников пресс-конференции Арман Яхин окончил Академию Жургенова. Как оказалось, со дня окончания учебы он никогда и нигде не слышал упоминания его академии... Мне кажется, здорово, что закольцовываются такие неожиданные сюжеты.

— Что вы считаете действительно креативным и ярким, во что можно вкладывать финансы и частному, и государственному сектору?

— Мне кажется, нужно старательно вглядываться в то, что происходит. И пытаться отделять

Сцена из спектакля Дмитрия Крымова «Все тут»

Сцена из спектакля Юрия Бутусова «Сын»

поток самодеятельности, который наступает. Возможно, сейчас самое главное – воспитание экспертного сообщества. Потому что нынешнее время научило с легкостью выдавать любительское и непрофессиональное за новое. При том, что оно не является ни хорошим, ни новым. Новое может быть недостаточно профессиональным, не раз именно любители меняли что-то в искусстве, но то, что сегодня выдается за новое, зачастую таковым не является. Поэтому это один из самых главных вопросов – воспитание экспертного сооб-

щества, критиков.

– **А сейчас этого сообщества нет?**

– Я считаю, что сегодня его нет. Оно во многом разрушено. Надо этим заниматься, тратить время, силы.

– **Вы успеваете ходить в театр?**

– Да! И посмотрел в этом сезоне несколько очень хороших спектаклей.

– **И они новаторские?**

– В театре все хорошее яв-

ляется новаторским. То, что, например, делает Юрий Бутусов, опирается на самые разные традиции, а не только на его собственный режиссерский опыт. Спектакль «Сын» Флориана Зеллера, который Бутусов поставил на сцене РАМТа, стал для меня одним из самых сильных театральных впечатлений. Для меня стал потрясением спектакль Дмитрия Анатольевича Крымова «Все тут» по мотивам пьесы Торнтон Уайлдера «Наш городок» на сцене «Школы современной пьесы», посвященный его родителям. Один из интереснейших спектаклей этого года – «Фаина. Эшелон» по документальной повести Фаины Райхельгауз в постановке Иосифа Райхельгауза. Тоже, кстати, посвящен его родителям. Эта история войны сделана режиссером в сотворчестве с его дочерью, выдающимся театральным художником Марией Трегубовой. Она же оформляла и спектакль «Все тут» Крымова, ученицей которого является. Еще мне очень понравилась недавняя работа Миндаугаса Карбаускаса «Школа жен», которую я уже упоминал. Еще одна удача сезона – спектакль «Между делом» в Театре имени Пушкина. Пьеса и постановка Евгения Гришковца. Такая

Сцена из спектакля Резо Габриадзе «Сталинград»

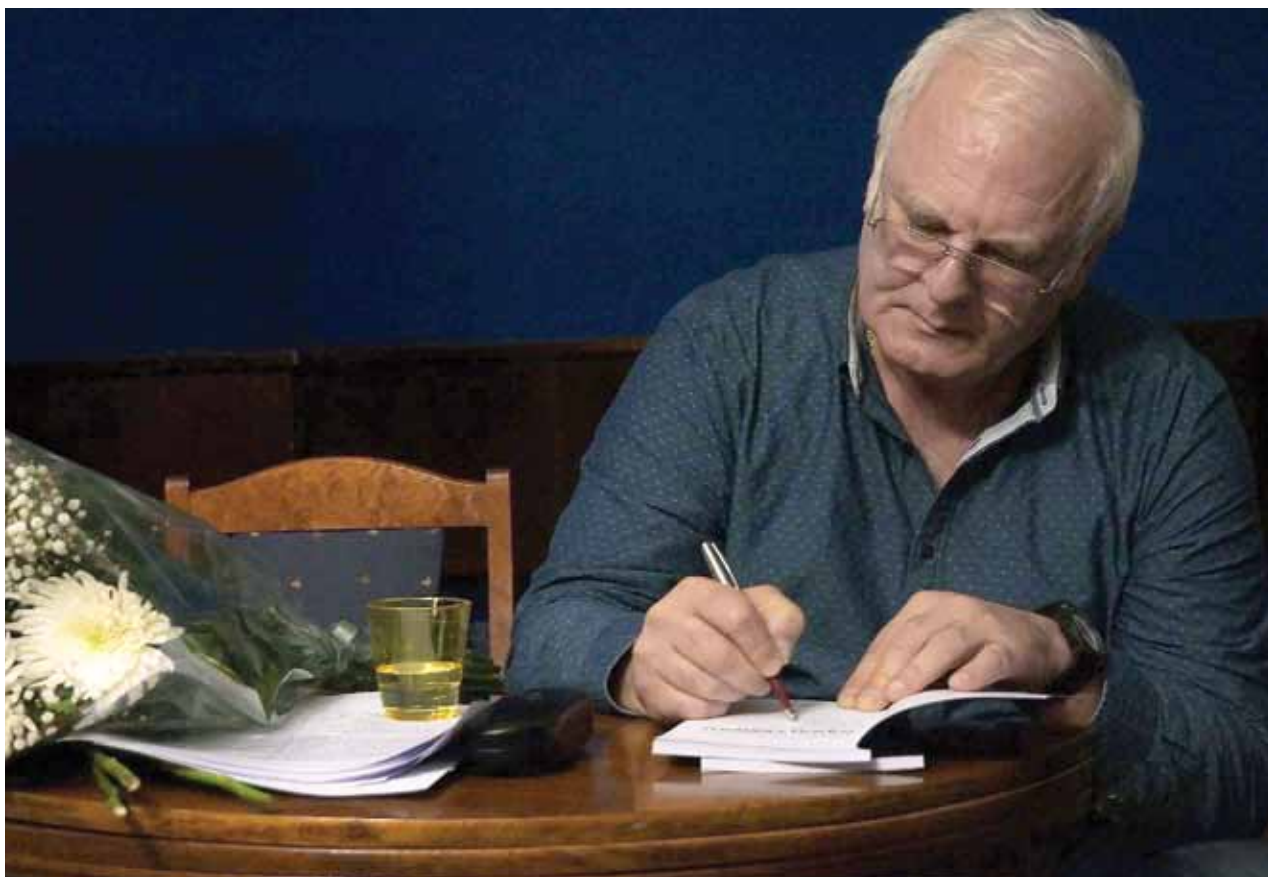
современная история... Мне очень нравятся современные истории.

— Недавно мы потеряли Резо Габриадзе. Расскажите, пожалуйста, о своем восприятии творчества этого мастера.

— Габриадзе был невероятным, великим. Помню, в тот день, когда он уходил из Театра кукол имени Образцова, которым не очень счастливо руководил в течение нескольких лет, то позвал меня в дальнюю комнату, где потихонечку, что было, конечно, абсолютно естественно для него, но совершенно не совпадало с его тогдашней ролью главрежа театра, репетировал спектакль, ставший его гениальным зрелищем о войне, реквиемом. Жанр реквиема был обозначен сразу, сначала спектакль назывался «Песня о Волге», а потом, во второй его реинкарнации в Тбилисском театре марионеток, получил другое название — «Сталинград». И каждый раз, когда спектакль привозили в Москву, у него появлялись все более предприимчивые прокатчики, которые арендовали все

большие и большие залы. Но, конечно, Габриадзе наверняка больше всего нравилась и казалась самым уместным и точным выбором малая сцена театра «Около дома Станиславского», вмещающая 50 зрителей. В этом зале «Сталинград» играли впервые. В пространстве малого зала «Около» каждая мелочь и каждая песчинка были видны и осознаваемы. В этом спектакле было гениально все, начиная с первой сцены, которую, собственно, Габриадзе мне показал и которая была и в первой версии, и во второй. Там происходит высвобождение из песка предметов прошлого — где равноценны и вызывают печаль, грусть, сентиментальные чувства и звездочка русского солдата, и немецкий крест. Все это уже осталось в далекой эпохе, истлело... В нашем будущем действительно боль и печаль будут совершенно одинаковыми, что может показаться невероятным. Речь — о солдатах войны, конечно, а не о зверствах, которые ни забывать, ни прощать нельзя. Не было в этом спектакле ни одной картины, чтобы увиденное однажды

забылось, не было случая, чтобы я не пошел и не посмотрел «Сталинград» в очередной раз, когда спектакль гастролировал в Москве. И каждый раз я испытывал ту же гамму сильнейших чувств. Не могу сказать, что мы с Габриадзе были очень близки. Но каждый, кто был с ним знаком или сидел за столиком в его тбилисском кафе рядом с Театром марионеток, запоминал урок, который он хотел преподать. И один из них — это урок для актера, актерской фантазии. Не помню, в связи с чем, Габриадзе рассказал о том, что в детстве очень увлекался Африкой и читал разные книжки о ней — художественные, документальные. А когда не стало железного занавеса и появилось много телевизионных программ, было показано все. Камера дошла до самых глубоких зарослей джунглей. Вошла в жилища диких племен, показала, как они работают, едят, женятся, рожают, и Габриадзе вдруг подумал, что когда он просто читал книжки и был влюблен в Африку, то знал о ней больше, чем знает сейчас, просмотрев все эти фильмы.

ТАРИЭЛ ЦХВАРАДЗЕ: «И ДАЛЬШЕ ЖИТЬ!»

■ **Нина ШАДУРИ**

Наше знакомство с Тарием Цхварадзе состоялось лет 10 назад. И было оно довольно бурным. Причиной, поводом, целью и предметом разбирательства на грани скандала была, дорогие читатели, поэзия — только и исключительно поэзия.

Дело было так. В одно прекрасное утро, придя в «Русский клуб», я застала в коридоре незнакомца. Поздоровалась. Посетитель медленно встал и навис надо мной. Он оказался огромного роста, и вообще был очень здоровым дядькой. Откуда-то из-под потолка долетело суровое «здрасьте». Было очевидно, что незнакомец в бешенстве и отвечает, изо всех сил сдерживая ярость. Я и рта не успела открыть, как Таризл (это был, как вы понимаете, именно он) вывалил на мою безвинную голову все, что

он думает о «Русском клубе» и его сотрудниках. А думал он вещи малоприятные, поэтому я их цитировать не буду. Претензия заключалась в том, что он, поэт, прислал нам свои стихи, а мы — такие-сякие — не снизили до ответа. Наконец мне удалось вставить в гневный монолог свои две копейки — просьбу успокоиться и поговорить мирно. И тут я сама себе жму руку, потому что рассказала моему гостю о международном поэтическом фестивале, который скоро состоится в Батуми, о том, что это лучшая площадка для того, чтобы познакомиться с поэтами и показать себя. Надо вам сказать, что Таризл — из тех людей, которые понимают без второго слова. Нужную информацию он схватывает на лету. И вот результат: прошло совсем немного времени, и его стихи поднялись на новый уровень, а

сам он стал участвовать в поэтических фестивалях в Грузии, Украине, России, Европе, получать литературные премии, то есть в полной мере вошел в современный литературный процесс... А еще — организовал и с успехом провел поэтический фестиваль «Батумские каникулы» (приехали участники из 12 стран!). Написал повесть о своей жизни — с той ошеломляющей степенью откровенности, которая говорит не только о бесстрашии автора, но и уверенности в своих душевных силах. Повестью заинтересовалось крупнейшее российское издательство, а рецензией откликнулся классик современной литературы, «зубр» журнального дела Александр Эбаноидзе. «Казус Таризла Цхварадзе» — так назвал свою статью прозорливый и строгий Александр Луарсабович. «Урка, удачливый вор превращается в поэта, — пишет он. — Потом поэт обрел голос, его стих раскрепостился, прежнюю робость и угловатость сменила статья, в которой порой проступает лирическая грация... На последней странице книги автор пробует объяснить природу своего превращения:

Елена Игнатова, Бахыт Кенжеев, Тариэл Цхварадзе, Амарсана Улзытуев

«Когда в бурном водовороте я стал захлебываться, выручила поэзия, свалившаяся на голову, как спасательный круг»... Тариэл Цхварадзе разменял седьмой десяток, а его неудовлетворенная душа по-юношески волнуется и взыскует слова... И, может быть, прав незабвенный Варлам Шаламов: «Поэзия – дело седых». «Тариэлу Цхварадзе удалось, казалось бы, невозможное, – подтверждает Алексей Цветков, – обрести поэтический голос в возрасте, в котором некоторые подбивают неутешительные итоги».

Самых заинтересованных читателей я призываю купить и прочитать повесть «До и после» – она доступна в интернете.

Но прежде – послушайте самого Тариэла. Как вы понимаете, с таким человеком есть о чем поговорить.

– Начнем с начала – когда и почему вы начали писать?

– Ну, какой жизнью я жил, вы знаете.

– Знаю, прочла вашу повесть.

– Еще и аудиоверсия вышла. Правда, я не очень дово-

лен. Интонации не нравятся – я бы лучше прочитал. Ну, что есть, то есть. Так вот, когда мы уезжали из Москвы, ситуация была критической. К тому времени я уже отсидел второй срок, и все могло закончиться третьим. Меня искали все, кому не лень – УБОП, прокуратура. К тому же были некоторые недоразумения с людьми моего круга, и я не мог уехать, не уладив этот вопрос. Но я все расставил по местам, и мы улетели в Египет. Недорогая страна, нулевой визовый режим – можно жить спокойно. В Хургаде супруга открыла летнее кафе. Оно заработало, принося приличные деньги. Мозги освободились, и я заскучал. В Москве-то жизнь ох какая бурная была – стрелки, терки, бегаешь, решаешь вопросы, делаешь дела... Я до сих пор сплю с затычками в ушах, не могу иначе – если ночью слышу шум лифта, сразу напрягаюсь, потому что в Москве по ночам или киллера ждал, или милицию.

– Мы обо всем говорим открытым текстом?

– Совершенно ничего не стесняюсь и не боюсь. Я никому

ничего не должен.

– Значит, заскучали в Египте?

– Ну да, ничего ведь не происходило. Жил, как король, ни о чем не думал. И вдруг – написал стихотворение.

Бухали на балконе,
дышалось всем легко,
плескалось сине-море
совсем недалеко.
Спуститься бы на берег, и
пузом на песок,
но не осталось силы
на дерзкий марш-бросок.
Початый ящик водки –
реально благодать,
а на загар и дайвинг –
плывать, плывать, плывать!

Ну, такая шуточная хрень. А к нам как раз гости приехали, я прочитал, все посмеялись, повеселились. И я завелся. Начал писать обо всем. В телевизоре что-то увидел – пишу, на улице заметил – пишу. Написал, наверное, штук 70. Читал несведущим в поэзии друзьям, имел бешеный успех и считал себя поэтом.

– То есть в Грузию вы вер-

Юрий Кобрин, Таризл Цхварадзе, Александр Радашкевич

нулись уже стихотворцем?

— Можно и так сказать. Мне очень хотелось домой — 23 года мотался. Не шутка. Я Грузию люблю — саму по себе. И народ наш в целом люблю, несмотря на то, что многих элементарных вещей не понимают и не знают — ну, такие они, что поделаешь! Первый раз мы с Валею приехали, когда здесь был полный упадок — ни света, ни тепла, ни хлеба. Невозможная жизнь. А когда приехали во второй раз, — страна начала жить. «Как тебе в Грузии?» — спросил у жены. — «Супер». Значит, решено — едем домой. И мы приехали. В литературных кругах я никого не знаю, меня никто не знает, но про себя думаю, что я неплохой поэт. Сам себе напечатал в Батуми первую книжку «Мост». Сейчас-то мне ее смешно читать — найти бы все экземпляры да сжечь! Хреново я тогда писал. Но даже из первых стихов, написанных в Египте, я взял штук 20 для своего «Избранного». Чуть-чуть подшлифовал... Не все там было чепухой, не все... И вот в Батуми начался тот самый поэтический фестиваль, о котором вы мне рассказывали. Какой был фестиваль! Рай для поэтов!

— И как сложились ваши отношения с поэтами?

— Участники жили в старом

«Интуристе» на бульваре. Я покрутился вокруг и подсел к Саше Кабанову. А он же такой внешне... Простой. Я решил, что это какой-то фраер, через которого мне надо выйти на больших поэтов. Задаю вопрос: «Ты тоже поэт?» Кто-то рядом услышал мой вопрос и воскликнул: «Еще какой поэт!»

С Алексеем Цветковым

«Кто здесь самые крутые поэты?» — спрашиваю я. У Кабанова спрашиваю! У гения! Он отвечает: «Цветков, Кенжеев, Херсонский...» — «Короче, бери их всех и пошли ко мне. Стол накрыт. Посидим, пообщаемся». И никак не мог понять, что значит «мы заняты». Не знал, что такое фестивальная программа. У них же круглые столы, встречи, выступления, и они обязаны участвовать. Но на следующий день они все-таки ко мне пришли. Стол ломится от еды. Едим и пьем. У меня одна мысль — почитать свои стихи. Что скажут? Ведь все было задумано ради этого. А надо сказать, что накануне я прочел подаренную Сашей Кабановым книжку «Нарру бездна тоуои», и очень в себе разочаровался. Подумал — мама родная, куда ты лезешь? Кто ты такой, Цхварадзе?.. Ну вот, сидим мы за столом, и в какой-то момент кто-то из гостей говорит: «Ты, наверное, хочешь нам почитать?» — «Да, — говорю, — хотел»... Беру подготовленные стихи — сто штук отобрал! — просматриваю и бросаю на пол — один листок за другим. Вроде собирался читать, а тут — на пол, на пол, на пол. Понял, что такое читать нельзя. В итоге прочитал

им, наверное, штук десять.

– Волновались?

– Нет, конечно. Я никому ничего не собирался доказывать. Прекрасно понимал, кто я есть на тот момент. Ну, прочитал. Кенжеев говорит Цветкову: – «Леша, что скажешь?» – «Не графоман, нет». Думаю – уже хорошо. «Есть в тебе что-то. Но надо много работать, учиться. И читать надо много. Ты читаешь?» – «Кроме Есенина – никого». Кабанов говорит: «Читай Ходасевича, понравится. Что-то в тебе есть от него». Я рассмеялся: «Первый раз слышу эту фамилию».

– Вы в самом деле ничего не читали?

– Да нет, ну что вы! Я рано научился читать, еще до школы – бабушка научила. В третьем классе, когда другие дети сказки читали, я зачитывался Фенимором Купером, Майн Ридом... Просто все, что я прочел, было прочитано до 20 лет. Потом ни времени не было, ни желания. Кстати, именно поэтому я твердо про себя знаю – никогда никому не подражал. Хотя бы потому, что никого из поэтов не читал, кроме, повторю, Есенина – его знаю от корки до корки. Так что на меня никто не мог повлиять.

– И что же было потом?

– Фестиваль закончился. На следующий год я уже был его участником – и со сцены выступал, и по ресторанам ходил. Начал общаться с Цветковым – мы как-то сошлись, сдружились... Он всегда очень много работал, но для меня находил время – мы общались по скайпу, он многое мне объяснял.

– Что именно?

– Например, так совпало, что у Леши умерла собака и у меня. Он предложил – напиши стихи, посвященные собаке, и я тоже напишу. Он написал верлибр (хотя я тогда даже не знал, что такое верлибр). Я – классические стихи. Читаю его стихотворение и не понимаю – где же здесь собака? А у меня написано просто, от души – про смерть моей любимой собаки. «Ну, это очень в лоб, Таризел. Отходи от

С Андреем Макаревичем

С Даниилом Чкония

С супругой Валентиной

таких приемов», — объяснял Цветков. — «Леша, я не понимаю, как это делать»... Постепенно, со временем я, конечно, понял. Многое понял. Но мой стиль у меня все равно сохранился. Я все-таки больше предпочитаю «в лоб», чем исподволь. А тогда, прочитав Лешин верлибр, я подумал, что он свои стихи недоделал. Зарифмовал их и, радостный, отослал. Цветков чуть с ума не сошел от возмущения — кто тебе дал право править мои стихи?! Ох, сколько я извинялся — прости, я не в укор, просто возникло желание зарифмовать... «Если бы я хотел зарифмовать, сам бы зарифмовал!» — негодовал Леша... В общем, со временем я — сам, интуитивно — начал понимать, в чем мои поэтические грешки.

— Знаете, это достойно уважения — вы были готовы учиться, как школьник.

— Именно так.

— А ведь начинающие стихотворцы обижаются на самые корректные замечания. Не видят и не хотят видеть своих изъянов. «Нет, нет, я так услышал, это мне сверху

надиктовали».

— Всем нам диктуют сверху. Строку или мысль дает господь, это однозначно. Но этот диктант оформляешь ты сам. И потому я прекрасно понимал, где я нахожусь сейчас и куда мне надо стремиться. Это черта моего характера, с детства. Я всегда стремился вырваться в лидеры — в школе, в армии, в тюрьме... И никогда нигде не был последним человеком. А тут — если уж я занялся поэзией и коснулся таких «глыб», то хочу быть с ними наравне. То, что я написал лет 10-12 назад, как бы и не считается. Считаю, что пишу стихи, наверное, лет семь.

— Наверное, не только в характере дело. Будь вы графоман — сколько хочешь учишь, толку бы не вышло. Если не дано, то не дано.

— Да, видимо, во мне что-то было... В общем, семь лет назад я почувствовал, что я — равноправный участник современного поэтического движения.

— Как пришло это осознание?

— В Иркутске, на Международном фестивале поэзии на Байкале. Это, знаете ли, не в Хургаде за накрытым столом стихи приятелям читать. Там была искушенная публика. И когда такие слушатели тебе хлопают, журналисты берут интервью, и тебя приглашают то туда, то сюда, то вдруг понимаешь — оказывается, ты нужен. Тебя

принимают серьезные люди, которые разбираются в поэзии. Помню, мы выступали вместе — Кенжеев, Леночка Игнатова, Вероника Долина, Саша Еременко... Кенжеев меня толкает и говорит: «Цхварадзе, ты замечаешь, что тебе хлопают больше, чем мне?» Я отшутился: «Да они просто красивых грузин не видели».

— Готовы учиться дальше?

— Безусловно. Мы все — всегда ученики.

— Какое место поэзия занимает в вашей жизни? Может быть, это хобби?

— Никак не хобби. Это моя жизнь. Дело моей жизни. Я ведь в детстве совсем не писал стихов. Рисовал и собирался поступать в Академию художеств. Хотя понимал, что вряд ли поступлю. В Академию, в медицинский и на юрфак в советское время поступали в основном по благу или за деньги. И потому я пошел на архитектурный в ГПИ. Но срезался. Меня сразу призывали в армию. Для того, чтобы остаться служить в Грузии, надо было выложить пять тысяч рублей. Мои родители не были обеспеченными людьми, и я пришел в военкомат, понимая — куда пошлют, туда и пошлют. И вдруг военком спрашивает: «В Тбилиси хочешь служить?» — «Хочу». И я попал в «учебку» в арtpолк. В первые же дни понял, почему мне так «повезло». Арtpолк всегда первым шел на

С Дато Турашвили

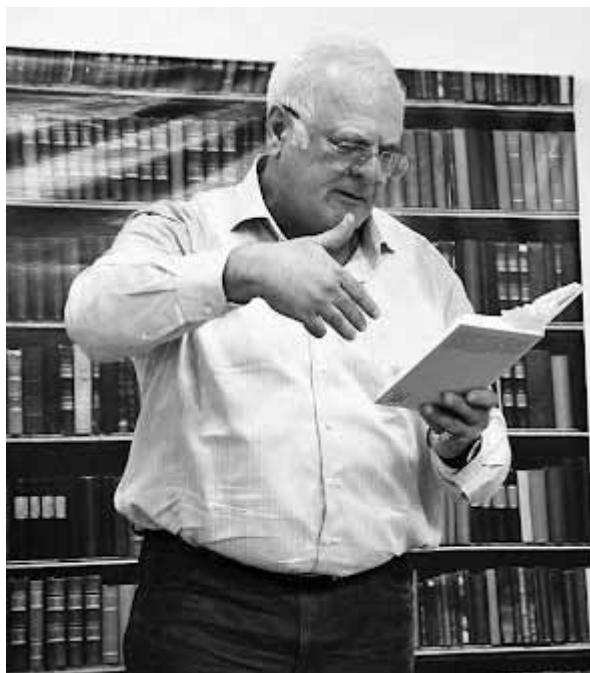

ежегодном параде 7 ноября, и для него специально отбирали высоких и стройных ребят. Лучше бы меня не отбирали! Шесть месяцев день и ночь мы стучали сапогами по плацу, шагали, маршировали. За полгода, служа в Тбилиси, я домой в увольнение попал всего лишь два раза. И на гаупвахте довелось посидеть.

– За что?

– Сбежал на свадьбу к брату. После «учебки» меня отправили в Ахалцихе – «грузинскую Сибирь». В мае демобилизовался, а в июне меня посадили. Вышел и решил все-таки осуществить свою мечту – стать художником. Поступил в художественное училище имени Тоидзе. Идея заключалась в том, чтобы закончить училище на «отлично» и попасть в Академию художеств. К тому времени мне было 22 года, я женился и у меня родился сын. И тут умирает отец. На мне – мама, жена, сын... Их надо было кормить. Не на стипендию же... И после второго курса моя учеба закончилась. Я пошел на водительские курсы, получил права категории «Д» и устроился водителем автобуса. Так что повзрослел я рано.

– А чем занимался в то время брат Виктор?

– После школы он поступил в МИСИ, но, прямо скажем, загулял в Москве. Мы же провинциалы, родились в Ткварчели, а тут – Москва, плащи «болонья», прогулы-загулы. Его отчислили. Он вернулся в Тбилиси и поступил в ГПИ. По окончании работал в серьезном проектном институте. Он со своей семьей жил отдельно, а я с женой и сыном – у родителей. Виктор писал стихи со студенческих лет. Поначалу я понимал его стихи.

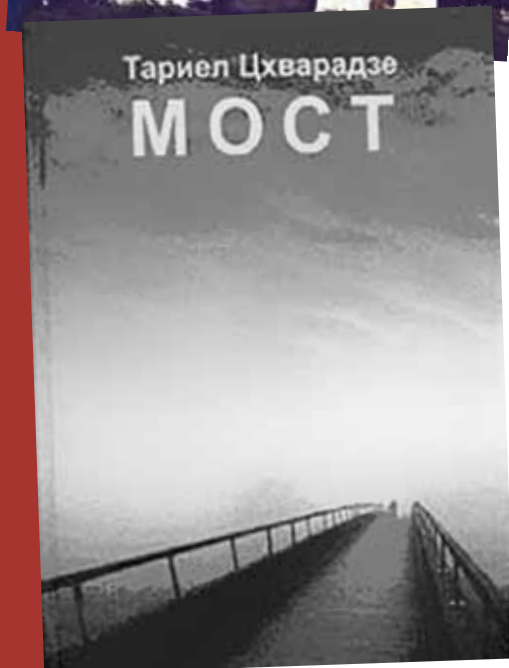
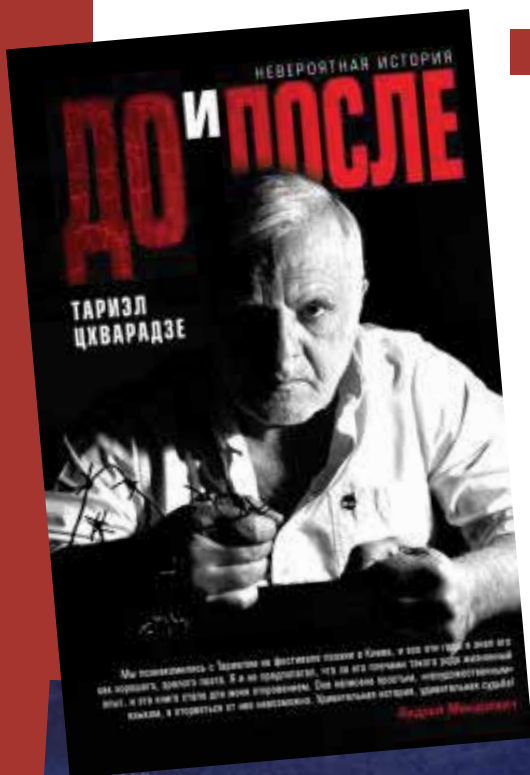
Но потом его стало уносить все дальше и дальше. Прочитаешь стихотворение – и не поймешь смысла. Чем между собой связаны две строчки – не ясно. Но ему нужны были чьи-то уши, чтобы читать свои стихи. Я слушал. Потом уже не слушал – только делал вид. «Ну как?» – спрашивал он. – «Прости, но я не понимаю». – «Да что же здесь непонятного?!», – кипятился брат... Он был гениальный поэт, по большому счету. Когда я читаю его тексты, то просто не понимаю, как работали его мозги.

– Скажу откровенно, когда вы только появились на поэтическом горизонте, то были для всех братом Виктора Цхварадзе. Сегодня Виктор стал братом Тариэла Цхварадзе.

– Интересно... Как было бы здорово встретиться с ним, посидеть, почитать друг другу стихи. Он ведь не читал моих стихов. Не успел...

Душа его, как лидер гонки, перемахнув через забор, скользит по краешку воронки, чертя бессмысленный узор. Я видел жизнь и смерть поэта, он в стены бился головой, а песня лучшая не спета, не уходи, мой брат, стой! Но он ушел, поставив точку, за тот последний поворот, а я долблю на камне строчку –

рождения год и смерти год.

– В 2019 году вы придумали и провели поэтический фестиваль «Батумские каникулы». Как это было?

– Поэтам нужно общение. И я подумал – почему бы не в Батуми? Сделал фестивальную страничку, дал анонс, забронировал небольшой дом на 14 человек. Получилось очень бюджетно. Но состав начал расширяться на глазах. В итоге мне пришлось снять четыре дома! Из 12 стран поэты приехали. Спонсоров у меня не было. Все сами платили за все. Я лишь постарался сделать так, чтобы цены были минимальными. Впрочем, мэрия Батуми подарила нам бесплатную экскурсию по Ботаническому саду, еще что-то, а директор Батумского музыкального центра Георгий Микеладзе бесплатно предоставил площадку для гала-концерта участников фестиваля. Музыканты – мои друзья – давали бесплатные концерты. Правда, я потом обходил гостей с шляпой. Кстати, это и к лучшему, что спонсоров не было – никому не обязаны, гуляем за свои, как хотим, так и гуляем. И никто не заставит выступать десять раз в день – сперва в библиотеке, потом на факультете, потом в театре... Вечером соберемся – если будет желание, прочитаем стихи. Батумские каникулы – отдыхайте, господа!

– Поразительно, это ваш первый организационный опыт – и все получилось!

– Да! И когда в январе прошлого года я объявил о втором фестивале – лавина заявок пошла! Около ста поэтов собирались приехать, я в Квариати забронировал целый отель, люди уже билеты купили. И тут – на тебе, бабац! Пандемия! Вот так не получился второй фестиваль. Но он обязательно будет.

– Прошлый год ознаменовался выходом вашей повести «До и после» в авторитетнейшем российском издательстве «Эксмо».

– Дело было так. Я просто послал свою книгу в «Эксмо» – чем черт не шутит! Никого я там не знал, да это и не надо – там блат не катит. Ответа надо

было ждать от полугода до года. И вдруг через 20 дней мне на мэйл приходит письмо из издательства. Открываю, затаив дыхание...

– Как лотерейный билет.

– Точно. Читаю: «Уважаемый Тариэл Владимирович, мы заинтересованы в издании вашей книги...» Мне чуть плохо не стало. Честное слово, слеза пошла. Ну, думаю, Тариэл Владимирович, ты молодец! Сразу – контракт, договор, и дело пошло. Но книгу надо раскрутить. Кто в Москве должен купить книгу Тариэла Цхварадзе? Неизвестное, не раскрученное имя. И редактор мне предложил: «Хорошо бы на обложку поставить отзыв какого-то медийного лица». – «Андрей Макаревич подойдет?» – «Конечно!» Звоню Андрею: – «Эксмо» мою книжку собираются издавать. Напишешь на обложку пару слов?» – «Сколько у меня времени?» – «Пара недель». – «Давай, скидывай». Андрей позвонил через три дня. Я, говорит, оторваться не смог. И на обложку пошел его отзыв: «Мы познакомились с Тариэлом на фестивале поэзии в Киеве, и все эти годы я знал его как хорошего, зрелого поэта. Я и не предполагал за его плечами такого рода жизненный опыт, и эта книга стала для меня откровением. Она написана простым, «нехудожественным» языком, а оторваться от нее невозможно. Удивительная история, удивительная судьба!». Можно ли было себе представить, что бывший блатной напишет повесть о своей жизни, и ее опубликует «Эксмо»? А ведь сама по себе моя история – невероятная. Какой же я все-таки фатовый человек! Просто удивительно, как ко мне относится господь. Я благодарю его каждое утро – один на один.

– Как говорил, извините, миллионер Глеб Жеглов, судьба – она умная, она достойных выбирает.

– Правильно говорил. Огромное значение имеет характер. Я ведь сам себя сделал, по большому счету. Если бы не пришел к вам, не попал на фестиваль, не познакомился с поэтами, я бы, наверное, просто затерял-

РУССКОЕ ЧУДО

В Санкт-Петербурге прошли мероприятия Петербургской международной недели балалайки «Русское чудо». Международный культурно-просветительский союз «Русский клуб» (Грузия) стал информационным спонсором проекта.

С 31 августа по 5 сентября 2021 года в Северной столице России по инициативе Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга прошла Петербургская международная неделя балалайки «Русское чудо». Организаторы – Театр-фестиваль «Балтийский дом» и Фонд содействия развитию культурных программ «Балтийский международный фестиваль-центр».

Участниками Петербургской международной недели балалайки стали коллективы и исполнители, работающие в жанре русского народного творчества из городов и регионов России: ансамбль русских народных инструментов «Русичи» (Свердловская область), квартет «Тринадцать струн» (г. Екатеринбург), ансамбль «Лукоморье» (г. Ульяновск).

Неделя балалайки включила в себя просветительскую программу и фестиваль «Русское чудо».

В рамках программы прошли мастер-классы по игре на балалайке и народных инструментах, экскурсии, творческие встречи и

совместные репетиции с ведущими петербургскими коллективами, а также круглый стол по теме: «Формирование репертуара и мотивации к занятиям у учащихся музыкальных образовательных учреждений» для специалистов и педагогов музыкальных образовательных учреждений, музыкантов-балалаечников Санкт-Петербурга.

Во время тематической экскурсии по Санкт-Петербургу участники просветительской программы почтили память музыканта Василия Андреева на Тихвинском кладбище в Александро-Невской лавре, а также возложили венки к монументу Матери-Родины на Пискаревском мемориальном кладбище.

Гости фестиваля побывали в гостях у Академического русского оркестра им. В.В. Андреева, приняли участие в совместной репетиции, стали слушателями и участниками организованного оркестром мастер-класса по игре на русских народных инструментах.

Центральным событием проекта стал Фестиваль «Русское чудо», который состоялся 4-5 сентября 2021 года в Александровском парке.

В рамках фестиваля зрители смогли познакомиться с уникальным русским народным инструментом, на котором играют во

всем мире, были продемонстрированы лучшие образцы и формы исполнительского искусства. Соединение по примеру Василия Андреева «фрака и балалайки» позволило представить коллективы, работающие в разных музыкальных жанрах и направлениях (классика и кроссовер), возможности различных музыкальных инструментов, продемонстрировать выступления солистов-виртуозов и молодых исполнителей, привлечь к мероприятию широкую зрительскую аудиторию разного возраста и музыкальных предпочтений.

В концертной программе фестиваля выступили коллективы из регионов России: ансамбль русских народных инструментов «Русичи» (Свердловская область), квартет «Тринадцать струн» (г. Екатеринбург), ансамбль «Лукоморье» (г. Ульяновск), Государственный академический русский оркестр им. В. В. Андреева, Театр песни и танца «Морошка», ведущие петербургские ансамбли «Терем-квартет», «Бис-Квит», «Квинтет четырех», «БалалайкаJAM», «Ладъ-квартет», «Менестрели», а также московский коллектив «Трио балалаек». Ведущей мероприятия выступила Ирина Смолина, заслуженная артистка России.

В гала-концерте 4 сентября приняли участие Государственный академический русский оркестр им. В. В. Андреева и солисты Мариинского театра Ирина Матаева и Александр Никитин. Государственный академический русский оркестр им. В.В. Андреева – один из старейших музыкальных коллективов России, признанный лидер в области профессионального национального музыкального искусства. В составе легендарного оркестра выступили участники фестиваля из Екатеринбурга и Ульяновска. Творческие номера сопровождались выступлением артистов ансамбля бального танца «Жемчужина».

5 сентября 2021 года петербургские ансамбли «Терем-квартет», «Бис-Квит», «Квинтет четырех», «БалалайкаJAM», «Менестрели» и московский ансамбль «Трио балалаек» стали участниками концерта «Балалайка JAM», в котором современная

генерация молодых исполнителей, используя жанровые и технические возможности классического инструмента, показала, что балалайка может быть демократичной и дерзкой, ей подвластны такие жанры, как джаз, рок, поп, рэп, латина. Концерт завершился совместным музыкальным номером коллективов «Русичи», «Тринадцать струн» и «Лукоморье», вручением первым заместителем председателя Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга Сергеем Марковым дипломов и памятных подарков участникам программы.

На площадке фестиваля был «построен» «Городок Балалайкер», где в течение двух дней прошли мастер-классы и уроки игры на балалайке, организаторами которых стали партнеры фестиваля: Мануфактура «БалалайкерЪ» (г. Ульяновск), Санкт-Петербургский музыкальный лицей и Общество ремесленников «Академия мастеров». Артисты Театра песни и танца «Морошка» провели мастер-классы для всех желающих в зоне фестиваля под названием «Репетиция сводного оркестра». Евгений Потапов – мастер по сборке балалаек – приехал на фестиваль «Русское чудо» из Ульяновска и в течение двух дней показывал и рассказывал всем желающим, как делают современные балалайки. Мастера общества ремесленников «Академия мастеров» на площадке фестиваля провели два мастер-класса: по росписи балалаечного фасада и по изготовлению сувенирной балалайки. Гости мероприятия смогли унести домой созданные своими руками уникальные поделки. Мастера, создающие изделия русских народных промыслов, развернули «Русскую ярмарку», представленные на ней товары вызвали заслуженный интерес у посетителей Александровского парка.

Педагоги Санкт-Петербургского музыкального лицея Александр Кучин, Денис Пенюгин и Сергей Васильянов учили гостей фестиваля основам игры на щипковых народных инструментах – балалайке и балалайке-контрабасе.

Справочная информация о проекте

Санкт-Петербург – родина концертной балалайки и первого оркестра русских народных инструментов. Более 130 лет назад началась новая жизнь старого народного инструмента, ставшего самым узнаваемым символом русской национальной культуры.

Проект стартовал в 2018 году и представлял собой образовательную программу «Петербург балалайки» для соотечественников, проживающих за рубежом, и культурные акции на площадках Посольств Российской Федерации в зарубежных странах и Культурных центров науки и культуры. В 2021 году Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга впервые организовал уличный двухдневный фестиваль, чтобы представить зрителям уникальный инструмент – концертную балалайку, которая является не только классическим инструментом, но и своего рода экспериментальным, новаторским, сочетающим различные жанры и стили (рэп, рок, фолк, дабстеп и другие). Фестиваль был приурочен к памятной дате – 160 лет со дня рождения музыканта Василия Андреева.

Участники фестиваля о проекте:

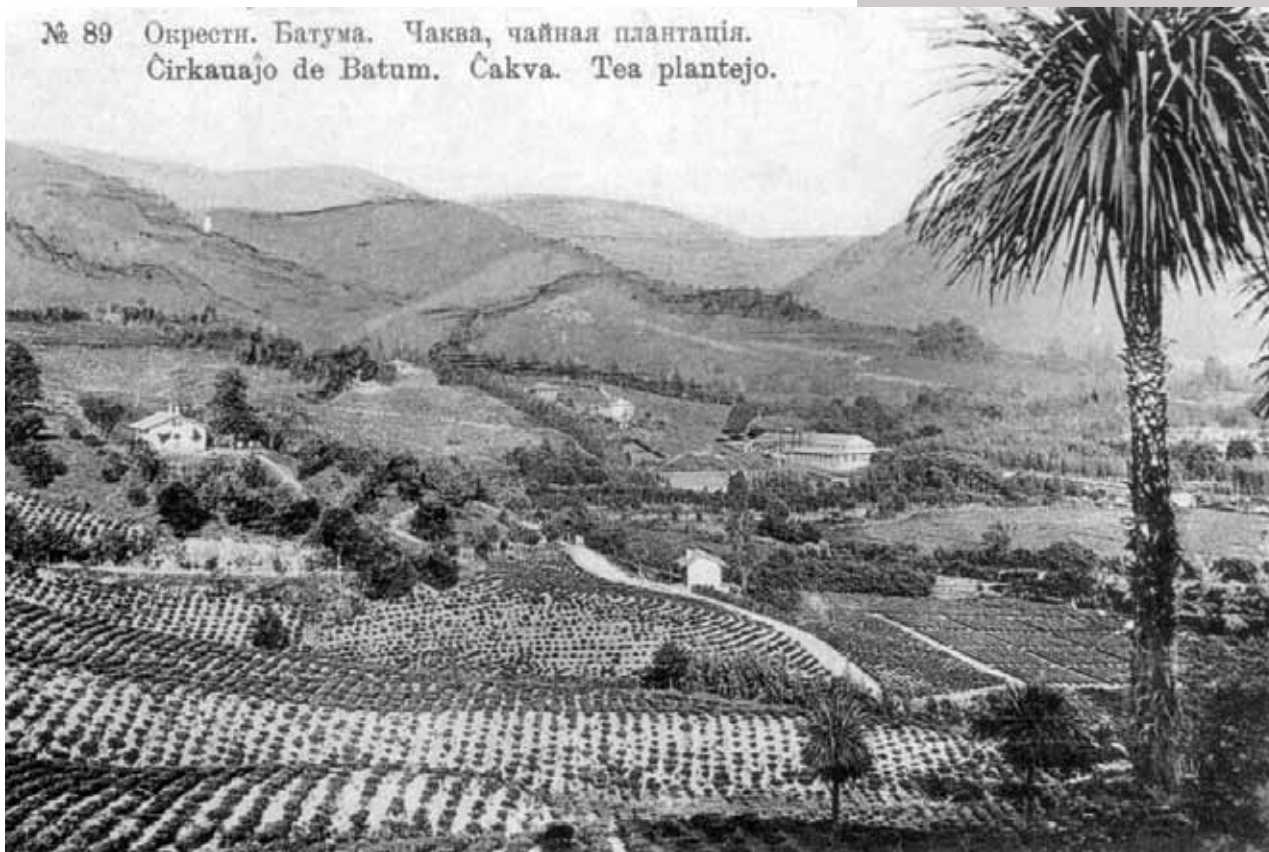
Андрей Константинов, руководитель ансамбля «Терем-квартет»: «Хочется выразить свою

благодарность Комитету по внешним связям Санкт-Петербурга – инициаторам проекта «Неделя балалайки» за уникальную возможность народникам и себя показать, и других посмотреть, зарядиться энергией и, самое главное, выйти на публику, к зрителю. Музыканту очень нужна востребованность. Проект очень необходим еще и для того, чтобы каждый музыкант не сидел в своей песочнице, а искал новые формы, развивался».

Ансамбль «Терем-Квартет» – уникальное явление в мире музыки. Он создал свой неповторимый стиль – «теремизм» и стал основоположником жанра «русский кроссовер». Своими оригинальными аранжировками и виртуозной игрой он перевернул традиционные представления слушателя о народных инструментах.

Бронислав Семичов представлявший Ульяновскую филармонию, коллектив русских народных инструментов «Лукоморье»: «Колыбелью балалайки действительно является город Санкт-Петербург, поэтому очень уместно, что фестиваль проходит именно здесь. Мы очень гордимся тем, что выступаем перед требовательной петербургской публикой, и очень надеемся на продолжение этого мероприятия в следующем году».

№ 89 Окрестн. Батума. Чаква, чайная плантация.
 Çirkauaĵo de Batum. Çakva. Tea plantejo.

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

В 1900 году промышленные круги Санкт-Петербурга торжествовали. Чай, представлявший Российскую империю на Всемирной выставке в Париже, получил Большую золотую медаль. Все называли его русским, но в наградной грамоте выставки значилось: «За лучший в мире Кавказский чай Константина Попова». Однако и это неточность, потому что чай-триумфатор был грузинским. А вырастил его в Аджарии... китаец. Который называл себя в русской транскрипции Лау Джон Дау и так же писал свое имя кириллицей. То же самое сделаем и мы, хотя при рождении его нарекли Лю Чжаопэн и в зависимости от различных китайских диалектов, он звался и Лю Цзюньчжоу, Ляо Джинчжао, и Лау Джэнджау... А на русском — даже Иван Иванович Лю.

Вообще-то, началом появления чайных кустов в Грузии считается 1848 год. А до этого,

в 1810-х годах, чайные растения «дебютируют» в Российской империи. По приказу прапраправнучатого племянника знаменитого кардинала Ришелье, градоначальника Одессы, генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии, герцога Армана-Эммануэля дю Плесси Ришелье их высаживают в только что открывшемся Никитском ботаническом саду в Крыму. Происходит это через 170 с лишним лет после того как в России, весьма «подсевшей» на завозной чай, впервые узнали об этом напитке.

Но это — просто коллекционные растения, к тому же крымская природа оказывается не очень благоприятной для них, и в 1833 году уже новый новороссийский генерал-губернатор, князь Михаил Воронцов вынужден выписать несколько десятков чайных кустов. Они дают первые семена, не больше того, и директор сада, плодовод и акклиматизатор растений Николай

Гартвис рекомендует перенести опыты с ними на черноморское побережье Кавказа:

«На полученном от садовода Burdin из Турина (Италия) нынешней весной чайном кустике в горшке завязались семена; это придает надежду, что Tea Viridis со временем может акклиматизироваться в удобных для нее грунтах и в климатах южных губерний государства подобных южному берегу Крыма, а особенно в Абхазии и Мингрелии, где почва земли и климат при сильных летних жарах довольно сырой и несравненно сырее крымского, должны способствовать росту и развитию сего кустарника».

Так чайные кусты появляются в Грузии. От Сухуми до Озургети вырастить их пытается немало людей, но наиболее результативны старания князей Мамии Эристави, Давида Дадияни и Мамии Гуриели, управляющего имениями последнего из них англичанина-переселенца Якова

Награда Парижской выставки. 1900 г.

Марра, французского дворянина Михаила Д'Альфонса, заложившего Батумский бульвар, британца Джона Макнамарры, плененного в Крымскую войну и женившегося на грузинке, чаквинского землевладельца А. Соловцова... А в 1886-м некий Амирагов высадил чай в Кахети и даже Тифлисе. Но у властей все это не вызывает никакого интереса. Хотя империя каждый год тратит 50 миллионов рублей золотом на покупку импортного чая.

Князь Эристави хочет расширить плантации и просит денежный кредит. Ответ в 1864 году дает кутаисский гражданский губернатор: «Некоторые предположения кн. Эристава, именно развитие чайных деревьев, — едва ли когда-нибудь осуществимо в Гурии... быть может в теплицах при искусственных условиях и поддержании высокой температуры, это растение и способно к произрастанию, но разводить его на открытом воздухе бесполезно». А через 21 год Кавказское общество сельского хозяйства просит послать практиканта в чайные страны для обучения, но уполномоченный Министерства государственных имуществ отказывает: «практикант может умереть в экспедиции». Образцы первого выращенного в Грузии чая

в 1864 году представлены на Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Петербурге и в Кавказском обществе сельского хозяйства в Тифлисе. При первых пробах этот чай кажется хорошим, но затем у кое-кого вызывает головокружение и тошноту. Оказывается, что его изготавливают без основного технологического процесса — ферментации. В общем, все попытки наладить в Грузии чайное производство оказываются разрозненными и кустарными. Урожайность низкая, плантации живут максимум несколько сезонов.

Перелом в разведении чайной культуры в Грузии наступает с 1892 года, когда в Аджарии появляется племянник, тезка и продолжатель дела российского «чайного короля» Попова купец Константин Попов. В том, что сегодня назвали бы семейным бизнесом, он не только успешно ведет торговлю. Во время трех приездов в Китай он знакомится с плантациями, изучает технологию возделывания и производства чая, а из цехов чайной фабрики в провинции Нинчжоу, что называется, не вылезает два месяца. И понимает, насколько выгодно будет организовать собственное чайное хозяйство в столь благоприятной для этого Аджарии.

Купив в 1892-м недалеко от Батума около 300 гектаров земли в Салибаури (имение «Привольное»), Капрешуми («Заветное») и Чакви («Отрадное»), он не только привозит на следующий год из Китая 15 тысяч чайных кустов и несколько сот пудов семян. С ним приезжают одиннадцать чаеводов, самый опытный из которых — помощник директора фабрики Лау Джон Джау. Как потом будут подчеркивать специалисты и историки, «именно этот человек стал определяющей фигурой в становлении всего грузинского чаеводства, и как следствие, российского тоже».

Лау происходит не просто из знатного рода, он — 76-й потомок императора Лю Бана, который в III веке до нашей эры основал династию Хань, просуществовавшую дольше всех китайских империй. Отец Лау служил в императорской армии и погиб до его рождения, поэтому уже сразу после рождения в 1870 году мальчик получает

Реклама чая Поповых

ВЫСШЕГО КАЧЕСТВА
= ЧАЙ =
ТОВАРИЩЕСТВА

Бр. К. и С. Поповы

ПОСТАВЩИКИ
Двора Его Величества.

Фирма существует с 1842 г.

Правление в Москвѣ.

☆ ПРОДАЖА ВЕЗДѢ. ☆

Съ заказами и всякого рода переписками просимъ обращаться
къ нашему представителю

Василію Ивановичу Измайлову,

НИЖ.-НОВГОРОДЪ, НИЖЕГОРОДЪ ЯРМАРКА.
Осыпная ул., д. Н-въ Москвитинъ Бакалейный
Разумовыхъ, тел. 1-51. рядъ, тел. 12-15.

Семья Лау после приезда в Грузию

офицерское звание. Но военным не становится — его мать из весьма зажиточной семьи, занимающейся чаем, и требует, чтобы сын продолжил это дело. Поэтому Лау с малых лет изучает, как надо выращивать и изготавливать чай. Побывав при этом в различных провинциях, на многих производствах.

В итоге в родном Гуаньдуне он полностью ведает и семейным бизнесом, и торговлей. И знакомится с приехавшим для очередных закупок Константином Поповым. Помимо деловых отношений завязывается дружба, и русский предприниматель рассказывает об Аджарии. Которая по природным условиям довольно близка к Гуаньдуну. И не просто рассказывает, а предлагает приехать и посмотреть место, где можно открыть полностью свое чайное производство. Тем более что в Китае тогда неспокойно, и Лау могут ждать серьезные неприятности.

Дело в том, что многие близкие ему люди — противники правящей императорской династии Цин, участники революционных выступлений, среди них — и иностранцы с республиканскими взглядами. А этого вполне достаточно, чтобы власть отреагировала самым жестоким образом. И, посоветовавшись с матерью, которая дрожит за его жизнь, Лау отправляется за три-

девять земель, в Грузию. Оставив дома беременную жену. Дорога занимает полтора месяца.

«Меня привлекали совершенно новая для меня страна и сознание, что я в ней буду первым проводником чайной культуры...», — вспоминал Лау Джон Джэу. — Условия, предложенные мне, были вполне для меня приемлемыми. Содержание мое равнялось 500 руб. в месяц при готовой квартире со столом, прислугой, лошастью с экипажем и проч. Проезд мой в первом классе туда и обратно был также за счет К.С. Попова».

Конечно же, жизнь на таких условиях не может не нравиться. Как и природа, похожая на родную гуаньдунскую. Китайцы подписывают трехлетний контракт с Поповым, а Лау возглавляет его дело в Аджарии: «Я и 10 моих соотечественников прибыли в Батум 4 ноября 1893 года. Разбивку чайных плантаций я начал в Чаквском имении «Отрадном», затем в имениях в Салибаури и в Капрешуми».

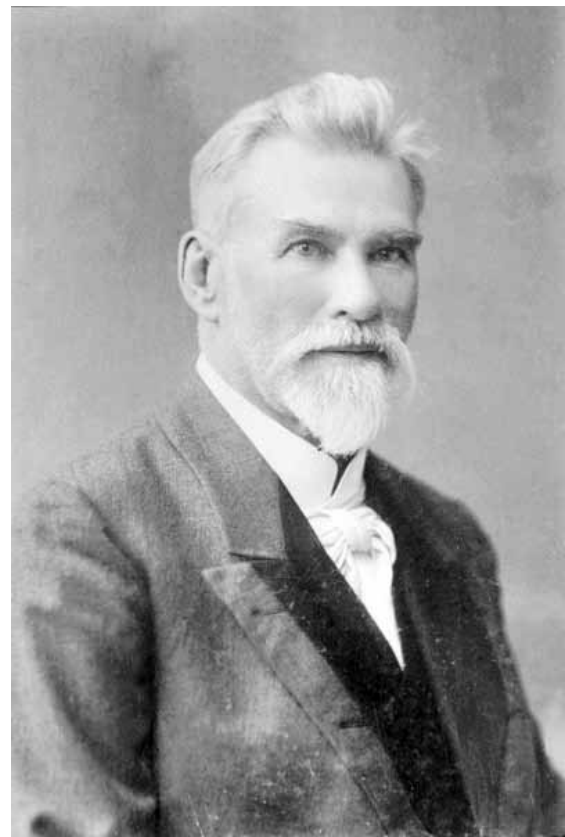
Он создает в Чакви точную копию того производства, которое было на родине у его семьи. Там практически нет станков, труд в основном ручной, а научные исследования заменяет интуиция. Вот как описывает эту фабрику видный сельскохозяйственный деятель, ботаник,

князь Владислав Масальский: «Ручная фабрикация чая китайцами производится с 1895 г. в небольшом сарайчике, в котором имеется 2 очага с вмазанными в них чугунными сковородами, множество сит, плетеных, подносов и разной формы корзин из бамбука, несколько цинков, чугунные сковороды и веялка для сортировки готового чая. Все эти предметы привезены из Китая».

Получается, что на деле это не фабрика, а кустарная мастерская для изготовления чая вручную. Отсюда и небольшое поначалу количество продукции. В первом (1895-м) году — чуть больше 8 килограммов, на следующий год почти 40, а в 1897 году — уже около полтонны (!). Зато качество выше всяких похвал. При химическом анализе чаев из Чакви и из Китая выясняется, что по некоторым показателям «аджарец» превосходит «китайца». В протоколе анализа подчеркивается: «Вкус настоя чаквского чая приятный, ароматный, цвет интенсивный».

И все это при том, что первые два года работы в Аджарии оказываются очень сложными для китайцев. От эпидемии уми-

Константин Попов

Фабрика Лау в Чакви

рают несколько из них, остальные трудятся на пределе сил. Но все равно можно воскликнуть: «Есть грузинский чай!». Первый фунт этого чая Попов лично преподносит Николаю II. «Во сколько обошелся Вам фунт чая?» – спрашивает царь. – «В 200 тысяч, Ваше Величество». И это не преувеличение, если вспомнить хотя бы затраты на китайских специалистов...

А те, по истечении контракта, отправляются на родину. Все, кроме Лау Джон Джау. Правда, он тоже уезжает, но только для того, чтобы весной 1897 года привезти в Грузию жену с родившимся в его отсутствие сыном, мать и других членов своей семьи. А еще – новых специалистов-чаеводов и большую партию саженцев и семян. После этого договор с Поповым продлевается еще на три года. А фирма «Братья К. и С.С. Поповы» с 1898-го получает звание «Поставщик двора Его Императорского Величества» да еще становится поставщиком королевских и императорских дворов Бельгии, Швеции, Греции, Румынии, Италии, Австрии и к тому же шаха Персидского.

«В 1896 году мне удалось приготовить первый чай на Кавказе. Дела шли успешно, – вспоминал Лау. – В 1900 г. на Всемирной торгово-промышленной выставке в Париже чай, при-

готовленный мною с плантаций Попова, получил большую золотую медаль... На этой выставке министр земледелия А.О. Ермолов, знакомый со мной еще по Батуму, рекомендовал меня в Удельное ведомство». Так, успех чаквинских плантаций дает основание для государственных вложений в чайное дело. И Удельное ведомство, отвечающее за имущество царской семьи, интересуется рабо-

той китайского специалиста. Но на государственную службу он переходит не сразу.

Он до 1902 года руководит фабрикой у Попова, который затем решает выпускать больше недорогого чая среднего качества и закупает в Англии крупную механизированную фабрику для механической обработки чайного листа. Так что небольшая фабрика Лау закрывается, а сам он становится

Развесочный цех чайной фабрики

Дом Лау в 1910-х гг.

заведующим государственной Чаквинской чайной факторией. «Поступив на государственную службу, — подчеркивал он, — наша семья сохранила самые добрые отношения с Поповым. Он хорошо знал, что не ради материальных выгод я оставил службу у него. Позднее, видя печальное положение дел в его имениях, я решил по возможности предложить свои услуги. Жаль было колоссальных денег, затраченных им, а больше всего мне жаль погибшей культуры и трудов моих, положенных в дело».

Но и на государственной службе Лау не жалуется машинную технику и лабораторные опыты. Он, как и прежде, уединяется в своей рабочей комнате, что-то взвешивает, меряет, прикидывает на глаз, руководствуясь только своим опытом. Немало людей пытается повторить его операции, но у них ничего не получается — в переработке чая у китайца не обнаруживается никакая система. «Я на первых же порах убедился, что во многих случаях Лау резко отступает от выработанных ранее приемов, признаваемых за лучшее и в Индии», — сетует Виктор Симонсон, управляющий имениями Попова.

Лау старается не реагировать на недоброжелателей: «Много было невеселого, особенно в последние годы, когда нашлись завистники моим успехам по службе. Люди, завидовали тому вниманию, с кото-

Остатки дома Лау сегодня

рым относилось ко мне Главное управление уделов, успехам в устройстве моего имения — и пришлось немало побороться за себя, постоять за справедливость. К счастью, все кончилось хорошо, моя сила и стойкость в этом деле мне помогли».

А это — об «имении», о котором он упоминает: «За добросовестное отношение к делу начальник управления уделов России князь Кочубей разрешил в 1909 году постройку дома, специально для моей семьи. В составлении плана дома, в котором я живу сейчас, и в оформлении его фасада принимал участие и я. Дом построен немецким архитектором. По внешнему виду на-

поминает китайский стиль». Дом этот сохранился до наших дней, но состояние его плачевно.

И еще воспоминание: «По истечении 10 лет службы я был награжден орденом Св. Станислава, а Главное управление уделов предложило перейти в русское подданство, со всеми правами высших чиновников. Я благодарил начальство, но преданный своему отечеству от подданства отказался. Я стал первым китайцем, получившим орден от Российского правительства, и могу гордиться, что впервые в России ввел на вверенной мне фабрике 8 часовой рабочий день. В 1911 г. по разрешению императора я купил земли близ Батуми и на

Семья Лау разрастается

своей плантации выпустил чай под собственной этикеткой».

К этим словам можно дать несколько пояснений. Орден Святого Станислава был предназначен для награждения, главным образом, чиновников, так что Лау становится приятным исключением. Землю он покупает по личному разрешению Николая II. Чай «под собственной этикеткой» выпускает уже на фабрике, которая принадлежит ему самому. А над названием особо не заморачивается: на этикетке значится «Лау Джон Джау», а в обиходе звучит «Лау-чай». Этот китаец аж до революции остается одним из немногих чаеводов Российской империи, в которой к 1917 году площадь всех чайных плантаций была не больше 1000 гектаров.

Кстати, именно в этом году Константин Попов отправляет химику с мировым именем, популяризатору науки, тщательно изучающему химические свойства чая Ивану Каблукову «Докладную записку с изложением программы правильной постановки чайного дела в России». В ней – проект того, как увеличить посадки чая в Закавказье и сделать Россию страной, широко экспортирующей чай. Создавать плантации Попов предлагает в основном на территории примерно в 160 тысяч гектаров, составляющей треугольник: Сухуми – Гори – мыс Копмуш недалеко от Батуми, на границе Российской империи и Турции.

Кроме того, во время Первой мировой войны русская армия успешно действует на Кавказском фронте против турок, и Попов уверен, что от Турции отойдет большая часть ее черноморского побережья, где тоже можно будет разводить чай. Но ровно через 40 дней после составления этой записки происходит революция, и история идет в совершенно ином направлении. С 1918 года действует Центральный чайный комитет «Центрочай», наделенный чрезвычайными полномочиями по национализации всех запасов чая и контролю над его распределением.

Фирма Поповых пытается выжить под эгидой этого коми-

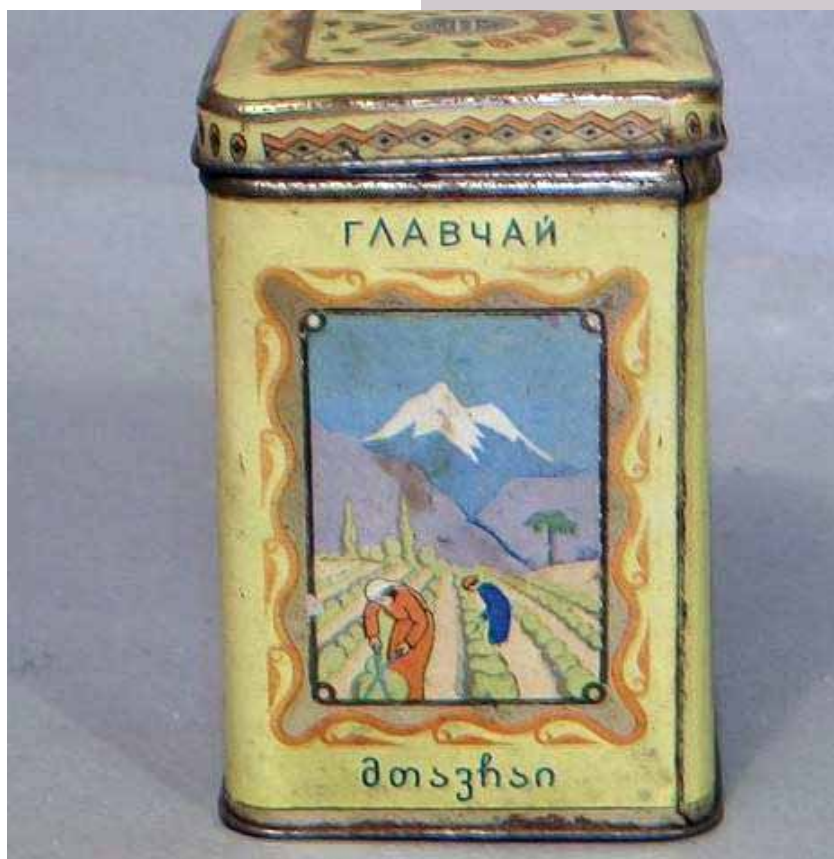
тета, но в 1919-м ее все равно национализируют. В том же году умирает Константин Попов, а его приемный сын Николай занимается чайным делом уже не как владелец компании, а как ученый-химик. В 1939 году его расстреливают как врага народа. Так исчезает легендарная династия российских чаепромышленников, тесно связанная с Грузией. А в Аджарии открытый, общительный, отличный специалист Лау Джон Джау находит общий язык и с новой властью.

В годы Первой мировой войны и последовавших за ней политических и территориальных пертурбаций все чайные плантации Аджарии – и государственные, и частные – приходят в запустение. Они конфискуются большевиками в 1921-м, сразу после прихода к власти, и Лау берут на работу в Народный комиссариат земледелия Автономной Социалистической Советской Республики Аджаристан (так Аджарская АССР называлась до 1936 года). Обязанности ясны – восстановление производства чая. То есть продолжает руководить своим чайным производством, но уже в должности «красного директора». И работает он так, что получает право записать на память потомкам: «В 1925 г. я получил Орден Трудового Красного знамени из рук нового правительства».

Тут надо добавить, что это был особенный орден, о котором сегодня знают немногие. Он учрежден в 1921 году, до появле-

Чакви в 1900-х гг.

ния общесоюзного и именовался так: орден «Трудовое Красное Знамя» Грузинской ССР. Двумя его вариантами за 12 лет были награждены всего лишь свыше 180 человек и организаций – «в ознаменование исключительных заслуг перед ССР Грузией в области производства, научной деятельности, государственной или общественной службы». Так что аджарский китаец оказывается в числе поистине избранных.

Но при этом он по-прежнему скептически относился к механизации чайной отрасли, он против интенсификации технологий и отдает предпочтение не современной технике, а ручному труду с добрыми старыми отцовскими инструментами. То есть делает все, что практически противоречит установкам советской власти. Которой нужно побыстрее и побольше дешевого чая. Что ж, все помнят, в какое качество продукции вылилась механизация этой отрасли, когда нежные пальцы сборщиц чая ради количества заменили на чаесборочные машины, срезающие на кустиках все, что попадает под нож...

А в те далекие годы Лау Джон Джау чувствует, говоря словами Александра Галича, «что-то не-

хорошее в воздухе». Его уже открыто называют ретроградом и противником прогресса. И можно понять, почему в 1926 году, отказавшись от предложенного

ему советского гражданства, он засобирился на родину. Конечно же, с семьей и... любимыми лошадьми, которых разводил с такой же страстью, как чай. Оставив все нажитое имущество. Успеваает он вовремя. В 1929 году его имя звучит с трибуны VI съезда компартии. Причем в весьма негативном контексте:

«Между прочим, мы имели в чаквинском имении некоего «Иван Иваныча» (китайца Лау Джон Джау, определенного провокатора и авантюриста, который выдавал себя за революционера, говорил, что его сын в Китае большой коммунист-гоминдановец, а на деле оказался, что он самый настоящий китайский контрреволюционер, а его сын производит эксцессы на Восточной-Китайской железной дороге. Этот Лау Джон Джау сыграл чрезвычайно вредную роль в деле развития чайной культуры в Чакве. Может быть, он был специально подосланным агентом, но, во всяком случае, как только мы этого «знатока чайного дела» выгнали, началась настоящая революция и подъем чайной культуры как в Чаквинском имении, так и во всех районах Грузии. С тех пор мы имеем

Этим орденом советская власть наградила Лау

Лау с орденом Святого Станислава

колоссальное улучшение качества чаквинских чаев».

В общем, легко догадаться, что ждало «самого настоящего китайского контрреволюционера». Который на самом деле думал и о том, какую еще пользу могут принести Грузии растения с его родины:

«Мне бы хотелось сказать несколько слов о некоторых сельскохозяйственных культурах, которые, по моему глубокому убеждению, привились бы здесь и дали бы большой доход краю.

Одна из таких культур — бамбук. Растет здесь давно, но возможности этого растения не до конца востребованы.

Другая культура — рами, особый вид китайского льна. В Китае из рами изготавливают самую дорогую ткань, которая ценится дороже шелка. Из него делают портьеры, гобелены, тонкую парусину. Благодаря своей прочности рами служит лучшим материалом для изготовления сетей, брезентов, канатов. Рами, или китайскую крапиву привез в Чакву управляющий именами

Попова — В.О. Симонсон.

Обращает на себя внимание бумажное дерево, по-японски — «мицумита», т.е. вилка, из которого изготавливают высококачественную бумагу.

При открытии Батумского ботанического сада я рекомендовал ввести в культуру китайский сахарный тростник. Если бы эта культура, в свое время была бы ведена здесь, страна не испытывала бы дефицита сахара».

Вернувшись в Китай, Лау Джон Джау поселяется в Хар-

ношение ко мне и моей семье самое искреннее. Дети окончили Батумскую гимназию. Старший сын — Петербургский университет. Мы были знакомы со многими представителями передовой интеллигенции. Бальмонтом, Есениным, с семьей знаменитого питерского хирурга Гаевского. В этом доме сохранилась частица истории общения наших народов, частица истории культур. 30 лет на Кавказе. Но я с семьей решил возвратиться домой»

У Лау Джон Джау были два

Лау с близкими и друзьями перед отъездом из Грузии

бине, городе, где много русских. Там ему вольготно настолько, что он не покидает город вместе с семьей, когда туда приходят японцы. К тому же не на кого оставить лошадей. И гибнет он, упав с одной из них. Ему было 67 лет. За которые он сумел войти в историю Грузии и России, о которых вспоминал:

«За долгие годы, проведенные здесь в непрерывной работе, единственным моим развлечением была охота и лошади. В течение многих лет я знакомился с жизнью и обычаями этого края. С грузинами, греками, армянами, евреями. В характере и обычаях грузин я нашел много сходства с характером китайцев.

У меня много знакомых и друзей среди всех наций, и от-

сына и три дочери. Их потомки связаны не только с Китаем, но и с Грузией, и Россией. Среди них более десяти профессоров, преподающих в вузах русский и китайский, они создали «Большой русско-китайский словарь» и «Китайско-русский словарь». Работают они и в экономике, и в медицине, и в авиации...

Вместе с ними вспомним еще несколько слов их легендарного предка: «Вернувшись на Родину, видя ее дивную природу, я буду видеть и вспоминать любимую Аджарию. Мир ее народу и полного рассвета его творческих сил, подобно восходу солнца, которое чем выше поднимается по небосводу, тем светит ярче и ярче».

НЕ ТЕРЯЙ ВРЕМЕНИ ЗРЯ!

Где-то в конце восьмидесятых годов прошлого века я пришла работать в Музей искусств Грузии. Встретили меня дружелюбно, сотрудников было много: все умные, красивые, профессионалы своего дела. Но меня особенно заинтересовала одна женщина, очень красивая, но замкнутая, она редко вступала в общую политическую дискуссию, вызванную бурными событиями в Грузии. Она обычно сидела в комнате архивного отделения, которой заведовала уже много лет и работала, читала или писала, со своими «девочками»-сотрудницами обрабатывала новые поступления. Чуть позже я узнала, что она – та Ирина Дзуцова, статьи которой о грузинском авангарде и современном искусстве я с интересом читала в разных журналах. Именно та Ирина Дзуцова, которая неутомимо искала и в конце концов, благодаря своему упорству, нашла фрагменты стенной росписи артистического клуба «Ладья аргонавтов», обработала архив

Ильи Зданевича в Париже и обнаружила легендарный дневник Ильи о Пиросмани, курировала выставку братьев Зданевичей в Тбилиси и много-много другого.

Я очень часто обращалась к Ирине Валериановне с просьбой помочь мне найти нужный материал в архиве и не помню ни одного отказа из-за нехватки времени, а ведь она всегда была очень загружена делами. Она не только помогала найти материал, который мне был нужен конкретно в тот момент, но еще и давала очень интересные советы, дарила идеи. Так она и настроила меня на исследование творчества братьев Зданевичей. В 2009 году, когда в Тбилиси готовили совместную французско-грузинскую выставку «Братья Зданевичи», конечно, обратились к Ирине Дзуцовой, единственным поводом отказа было ее желание дать дорогу другим исследователям творчества Зданевичей.

За много лет знакомства мы очень подружились. Она часто звонит из Парижа, где живет с дочерью и справляется о тби-

лисских новостях, тоскует по родному городу. Она полна идей, с энтузиазмом говорит о будущих планах и каждый раз наставляет меня как прежде: работай, работай, не теряй времени зря!

Нана Шервашидзе

Присоединяюсь к поздравлениям. Вспоминается один эпизод из нашей совместной дружбы. Прочно сижу в своем кабинете, заваленная книгами и погруженная в какую-то крайне срочную работу: пишу то-ли доклад, то-ли статью. Звонок в дверь. На пороге Ира. Увидев количество окружающей меня со всех сторон науки, пришла в совершеннейший ужас. Нет времени толком пообщаться. Тут она, основательно угнездившись в кресло, берет из близлежащей кипы довольно объемистый исторический увраж. Не особенно отвлекаясь от сочинительства, мой косой взгляд ревниво наблюдал, как Ира шуршит страницами, что-то закладывает, что-то карандашом подчеркивает. Минут этак через 15 она вручает мне книгу со словами: «Отмеченное пересмотрите». Я вежливо поблагодарила, скептически отметив про себя результативность помощи. Ира ушла. Я погрузилась опять в свое занятие. Спустя некоторое время мой взгляд упал на пересмотренную Ирой томину. Мне стало интересно, что она в скоростном ее перелистывании смогла высмотреть для меня такое важное. Бегло просмотрев отмеченные страницы я пришла в крайнее удивление: были выделены именно те части текста, которые мне были нужны для актуальной работы. Произвела впечатление.

Наталья Беручашивили

Редакция журнала «Русский клуб» поздравляет своего постоянного автора, исследователя грузинского искусства Ирину Дзуцову с замечательным юбилеем! Желает творческого долголетия и новых увлекательных публикаций на страницах нашего журнала.

ТИФЛИС – «НОЕВ КОВЧЕГ» НОВОГО ИСКУССТВА

■ **Ирина ДЗУЦОВА**

В 1917 году рухнула Российская империя, не стало Временного правительства, в России к власти пришли большевики. Закавказье бурлило. В Тифлисе и других крупных городах появились Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в которых доминировали меньшевики и эсеры. Во главе с меньшевистским правительством Грузинская демократическая республика, образовавшаяся 26 мая 1918 года в результате распада аморфной Закавказской Демократической Федеративной Республики, просуществовала чуть более двух лет – до 25 февраля 1921 года, дня, когда части Красной армии вошли в Тифлис. На местах стремительно утверждалась советская власть. Грузия встала на путь построения социализма. Это коснулось и сферы культуры: грузинское искусство стало развиваться на основе национальных, народных традиций. Грузинский историк искусства, академик Шалва Амиранашвили (1899-1975), полагал, что только Великая Октябрьская социалистическая революция создала широчайшие возможности

для полного национального и культурного возрождения Грузии, страны, которая издревле славилась своей архитектурой, фресками, книжной миниатюрой, литературой. В определенной степени с этим можно согласиться.

В России свершилась политическая революция, а представители литературно-художественного авангарда совершали свою – культурную революцию, не рассчитанную на широкую публику. Началась эта революция задолго до 1917 г. Бунт, разрушение стереотипов, борьба за свободу искусства, неприятие буржуазно-мещанской морали – таковы были ее принципы. В воззвании писателя, теоретика искусства и художника Ильи Зданевича (1894-1975) и художника Михаила Ларионова (1881-1964) «Почему мы раскрашиваемся. Манифест футуристов», написанном в 1913 году, говорится: «Обновленная жизнь требует новой общественности и нового поповедничества». В манифестах и декларациях авангардистов звучала агрессивность и безапелляционность, претензии на величие и уникальность их таланта. Многие из них восприни-

мали Октябрьскую революцию как конец старого мира и возможность построения нового, преобразованного. Они враждовали с адептами классики, не понимавшими и отвергавшими их нигилизм, деструктивный посыл в культуре.

Авангардисты зывали к революции духа. Так они застолбили себе место в революции рядом с большевиками, для которых авангард стал культурным тараном, способствовавшим одновременно разрушению прошлого и строительству новой жизни. Временные исторические спутники, и советская власть, и авангард замыслили проекты счастливого и свободного будущего. Однако достаточно быстро авангард потерял свои позиции, изжил себя в условиях пролетарской революции и зарождения социалистического реализма. Многим деятелям русского авангарда пришлось покинуть страну, иные сгинули физически. Большинству людей творчества 1917 год принес тяжелые испытания, бремя внутренних противоречий, поставил под вопрос духовную и творческую независимость. Революционная стихия развела их по обе стороны баррикад. Многие остались за бортом культурной жизни, а ведь им так хотелось созидать...

В 1917 году положение творцов – как моральное, так и материальное – было нелегким, но вопреки жестокому времени они стремились быть свободными и верными своим идеалам. Надо было спасаться различными средствами в контексте хаоса, идеологического диктата, нестерпимого экономического коллапса. Реальность радикально отличалась от мысленных образов и идеалов творцов. Лишь немногие оптимисты обманывались и верили ими самими же созданным образам светлого будущего. В революционной ситуации художник не знал, к кому примкнуть, к чему прислаться. Вокруг царили вражда и отчуждение. Жизнь художника усложнилась. Надо было привыкать к новому, отказываться от старых, привычных норм, традиций и правил. Деятели литературно-художественного авангарда предлагали свои

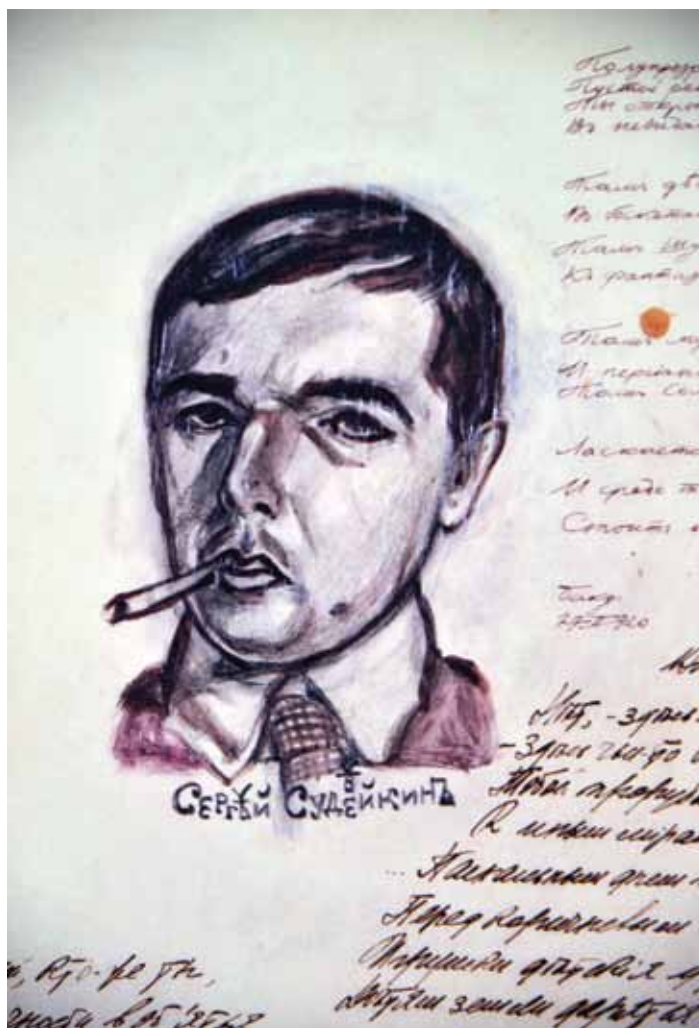

Сигизмунд Валишевский. П-т Веры Судейкиной

альтернативы, эстетические ценности и принципы. Многие были несомненно одаренными, но большинство их программ, анонсированных в манифестах, дискуссиях и декларациях тонули в общем гуле неистовой эпохи. Смелые теории и эстетические эксперименты – во многом «салонные» и на самом деле не предполагавшие «выхода» в реальную жизнь – вдруг круто и неожиданно столкнулись с этой самой жизнью, преобразованной радикальной революцией. Эта революция прокламировала свою, всеохватную и доселе неслыханную в истории программу создания нового человека, нового справедливого мироустройства.

На протяжении десяти лет столица Грузии Тифлис, солнечная окраина рушившейся империи, продолжала играть свою традиционную роль административного и экономического центра на стыке Запада и Востока. Колорит города определяли в числе прочего органичное разноразличие, миролюбивая многоконфессиональность, неподражаемая архитектура, уважение традиций и заветов предков, институт застолья как праздника и ритуала, и институт дружбы, сердечности и добрососедства как основы мироздания, и, конечно же, неодолимая тяга к прекрасному. Духаны здесь расписывал Нико Пиросмани. В городе постоянно звучали зурна и дудуки, неповторимая грузинская полифония, армянские песнопения. В Казенном театре играли ита-

Сергей Судейкин. Автопортрет

льянскую оперу. Дамы следили за последней парижской модой, а в книжных магазинах толпились покупатели.

1910-1920 гг. — знаковый период в истории современного грузинского искусства. Грузия переживала новый виток европеизации, пришедшей из России. С 1917 г. по 1921 г. здесь побывали, порой оставаясь на определенный срок, около ста русских поэтов и писателей, в числе которых — Сергей Есенин, Иван Бунин, Константин Бальмонт, Константин Паустовский... В 1917 г. Тифлис стал приютом — зачастую единственно возможным — для бежавших, отверженных, молодых, опытных, талантливых и не очень. Тифлис с его двумястами тысяч жителей всех принял, пригрел, дал отдышаться, ощутить радость жизни, беспечность, окунуться в творчество, в дружеское взаимодействие, обрести вдохновение. На город обрушился освежающий водопад юности и максимализма. Шумный и пестрый город не забывал свои традиции, но и не боялся новых веяний. Молодые новаторы от искусства «били кистенями разума по башкам эстетов, буржуев, мещан, всяких идиотов салонной литературы» (В. Каменский. Сборник «Взял». Санкт-Петербург, 1915.).

В Тифлисе — городе повосточному благопристойном, с патриархальным укладом жизни — все «измы» оставались в рамках классической умеренности, но тем не менее за ним закрепилась слава «маленького Парижа». В тифлисском изводе авангарда сохранялось чувство умеренности, соразмерности, стремление к гармонии с миром. Не случайно Нико Пиросмани (1863-1918) был открыт футуристами в 1912 г.: Михаилом Ле-Дантю (1891-1917), Ильей Зданевичем и Кириллом Зданевичем (1892-1969). Футуристы «привели» Пиросмани в мировую культуру Нового времени. По словам Ильи Зданевича, художник «вклинивался в их споры о Востоке и Западе, о путях слияния народной традиции и новой эстетики». Неистовый футурист И. Зданевич категорично заметил: «Ублюдки Европы — ваши поэты, живописцы,

музыканты, критики и профессора, молодые и старые, не стоят сантиметра его [Нико Пиросмани — И.Д.] клеенок» (Газета «Восток», Тифлис, 29 июня 1914 г.). В картинах Пиросмани И. Зданевич видел мощный народный дух, неистребимый источник исторического долголетия народа, рецепт его выживания в смутные времена. В своем дневнике встреч с художником в 1913 г. И. Зданевич признался: «Теперь, после знакомства с Николаем, я знаю, что такое жизнь» (И. Дзуцова. «Пиросмани. Пиросмани...». Тбилиси, 2013, стр. 21.). Видный грузинский художник и общественный деятель Дмитрий Шеварднадзе (1885-1937) отмечал: «Нико Пиросманашвили — представитель национальной грузинской живописи, и его творческий путь является прекрасным об-

разцом для нового грузинского искусства» (Гос. музей искусств Грузии. Рукописно-мемуарный отдел. Докладная записка Д. Шеварднадзе от 1931 г. Общество художников).

Вопреки войне, революции, разрухе и хаосу, на благодатной земле грузинской столицы прорастал пришедший из российской и европейских столиц культ нового. В Тифлисе одни уходили от традиций, другие находили их в живописи Нико Пиросмани, но все искали — смысл творчества.

По свидетельству современников, Тифлис 1910-х годов «напоминал «Ноев ковчег» (Г. Робакидзе. «Фалестра». Тбилиси, 1988, стр. 399.): местные и приезжие, богатые и бедные, военные и гражданские, идеалисты и циники, художники, композиторы, поэты, таланты и шарлатаны — на краткий промежуток

Сергей Судейкин. Зарисовка из альбома Веры Судейкиной

Сигизмунд Валишевский.
Наездница Маруся

исторического времени здесь все смешалось. Разноязычные чудаки – футуристы, символисты, акмеисты – бунтарствовали в живописи и поэзии. 20 ноября 1917 г. в зале Тифлисской консерватории состоялся первый большой вечер футуристов, организованный поэтами Юрием Дегеном (1896-1923) и Алексеем Крученых (1886-1968). Поэты читали свои стихи, художники представляли свои картины, шли активные дискуссии...

Едва ли не самой большой ценностью в это напряженное время стало общение – душевное, духовное, просто человеческое. Жизнь была пропитана запахом пороха, драмами человеческих судеб, но еще оставалась доступной роскошь сменя творческих мироощущений. Старт был равным для всех. Мощные тени итальянского футуризма, французского кубизма, немецкого экспрессионизма, русского символизма, старых мастеров, фольклора повсеместно распростерлись над каждым.

В этот период в Тифлисе со-

существовали символизм поэтов из объединения «Голубые роги», созданного в городе Кутаиси поэтом Паоло Яшвили (1895-1937) в 1915 г. и просуществовавшего до 1930-х гг., заумный язык поэта-футуриста Алексея Крученых, теория «всечества» Ильи Зданевича и акмеизм литератора Сергея Городецкого (1881-1967). С. Городецкий писал: «Война, бросившая в Закавказье вместе с армиями немало литераторов и художников, вслед за нею революция [...] дали мощный толчок художественной жизни, породили самые разнообразные течения, создали новые издания, национальное искусство и театры» (С. Городецкий. «Книга и революция», 1920, №2, стр. 12.).

В то время, как в 1917 году в связи с революционными событиями богемная жизнь в России замерла, Тифлис являлся столицей авангарда на южных окраинах империи. Меншевистское правительство Грузии было занято политическими и экономическими проблемами, а поэты, писатели, художники занимались решением своих философских и художественных задач, продолжали новаторские поиски. Монополия на доминирующую идеологию отсутствовала, любые эстетические воззрения находили место под жарким тифлисским солнцем. Как на дрожжах росло количество салонов, кружков, артистических клубов и студий. Проходили выставки, велись жаркие споры, устраивались лекции, издавались газеты, журналы и книги на русском, грузинском, армянском и других языках. Эпатажные авангардисты обосновывали критику «устаревших» художественных и литературных норм, призывали к переоценке ценностей, провозглашали новую эстетику.

В короткий отрезок времени безудержная фантазия, талант и энтузиазм молодежи в сочетании с ощущением смены эпох и натиска нового времени вдохновляли молодых творцов на плодотворную деятельность: в Тифлисе 1917-1921 гг. литературные и художественные объединения, выставки, книги, вечера, журналы «сыпались», как из рога изобилия.

Объединения, творческие приюты

Знаменитое литературное кафе «Фантастический кабачок» (до середины января 1918 г. назывался «Студия»), просуществовавшее с 12 ноября 1917 г. по 1919 г., было основано поэтами Юрием Дегеном и Сандро (Александром) Короной (1891-1967). Эта пестро расписанная (в футуристическом стиле (авторами росписей были Илья Зданевич, Ладо Гудиашвили, Яков Николадзе (основатель

Ладо Гудиашвили. Рисунок из альбома Веры Судейкиной

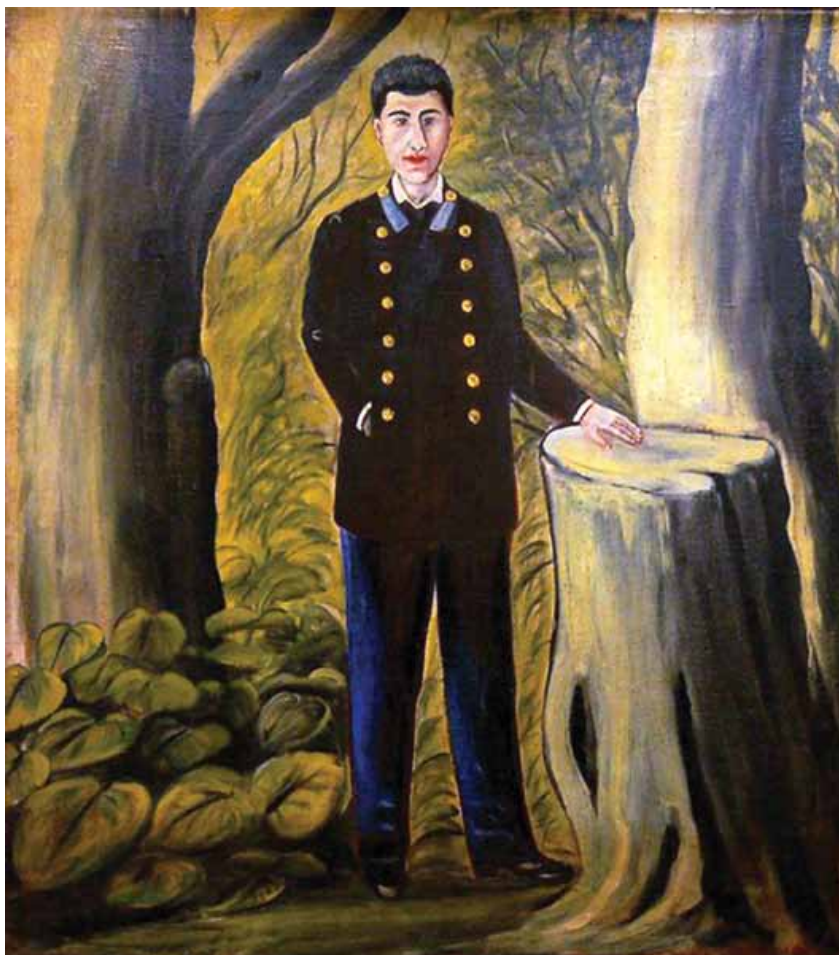

искусства скульптуры в Грузии), Юрий Деген и журналист Александр Петраковский) комната в бывшей столярной мастерской стала излюбленным местом встреч грузинских и русских поэтов, художников, актеров. Здесь ежевечерне читали стихи и доклады. Александр Порошин (?-1923), Нина Васильева (1889-1979), грузинский литератор и общественный деятель Александр Канчели (1875-1948) посвятили «Фантастическому кабачку» проникновенные стихотворные строки.

Непременными участниками вечеров были поэт и писатель Григол Робакидзе (1880-1962), поэты Тициан Табидзе (1895-

1937), Паоло Яшвили (1895-1937), Юрий Деген (1896-1923), поэт и переводчик Колау (Николай) Чернявский (1893-1945), Кара-Дарвиш (Акоп Генджян) (1872-1930), и, конечно, Илья Зданевич. Одним из результатов деятельности «кабачка» стало появление в 1919 г. художественно-поэтического сборника «Софии Георгиевне Мельниковой (С.Г. Мельникова (1890-1980) — актриса петербургского театра «Фарс» и тифлисского Театра миниатюр.). «Фантастический кабачок», в котором участвовали, в частности, художники Александр Бажбеук-Меликов (1891-1966), Сигизмунд (Зига) Валишевский (1897-1936), Наталья Гончарова (1881-1962), Кирилл Зданевич, поэты Нина Васильева, Татьяна Вечорка (Ефимова, 1892-1965), Илья Зданевич, Кара-Дарвиш, Василий Катанян (1902-1980), Алексей Крученых. Под «знаком» этого литературного кафе было опубликовано большое количество поэтических сборников. Кроме того, выпускались журналы «Куранты» (под редакцией поэта Бориса Корнеева (1896-1998)) и «Феникс» (под редакцией Юрия Дегена).

В ноябре 1917 г. только что созданная группа «Синдикат футуристов» выступила с книгой «Учитесь худоги» со стихотворениями А. Крученых и иллюстрациями К. Зданевича. Наиболее активными «синдикалистами» были художники Ладос (Владимир) Гудиашвили (1896-1980), Зига Валишевский, поэты Колау Чернявский, Кара-Дарвиш. «За-

Нико Пиросмани. Портрет Кирилла Зданевича

умное» объединение просуществовало до весны 1918 г.

Литературное содружество «Альфа-лира» было создано 1 декабря 1917 г. по инициативе поэта Татьяны Вечорки, вернувшейся в Тифлис в 1917 году после учебы в Петербурге. Целью содружества было «искание новых путей в области формы поэтических произведений» (Из

письма Т. Вечорки редакциям газет. Цитируется по книге Т. Никольской «Фантастический город. Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917-1921)», Москва, 2000. стр. 154.). На заседания приходили поэты Нина Васильева, Илья Зданевич, Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, писатель и кинорежиссер Василий Катанян. Они изучали стихи Александра Блока, писали рефераты по истории Грузии, переводили Шарля Бодлера и Джорджа Байрона, стихи классика грузинской литературы Акакия Церетели (1840-1915), обсуждали доклад «Уходящий Тифлис» поэта Георгия Евангулова (1894-1967). Объединение просуществовало до лета 1918 г.

В 1918 г. поэт Юрий Деген основал объединение поэтов «Кольчуга». Его члены ориентировались на поэта Михаила Кузмина (1872-1936).

В начале 1918 года Илья Зданевич (вернувшийся из Петербурга в мае 1917 г.) и Кирилл Зданевич, Алексей Крученых и

Зарисовка и автограф Кирилла Зданевича в альбоме Веры Судейкиной

Голубороговцы во дворе Дома писателей

Игорь Терентьев (1892-1937) создали литературное авангардное объединение «41°» («Сорок первый градус»), которое, по словам И. Зданевича, имело целью утвердить заумь как обязательную форму воплощения искусства, и «надеть мир на новую ось» (из текста «Манифеста «41°»). Братья Зданевичи, И. Терентьев, К. Чернявский считали морфологическим источником объединения «41°» творчество Пиросмани (И. Дзурова. «Любовь тифлисского повара». Журнал «Русский клуб», Тбилиси, 2013, №2, стр. 19.). Группа сосредоточилась на литературном эпатаже. В 1919 г. вышел единственный номер газеты «41°», в котором был опубликован манифест группы. «41°» находилось в творческих и дружеских отношениях с поэтами-символистами из «Голубых рогов». Те отнеслись к заумному языку с определенной степенью негативности. Т. Табидзе даже обвинял «41°» в цинизме. Тем не менее в уникальной духовной атмосфере Тифлиса доминировало взаимопонимание. Вот что писал литератор и «голубороговец» Г. Робакидзе: «Тифлис живет эстетическим восприятием мира. Таким он был в прошлом, таким является он теперь... Люди раз-

ных народов, разных культур – братья в искусстве. Мы верим в этот новый интернационал» («Газета «Новый день», 1919, №6, 2 июня.). С отъездом И. Зданевича в Париж в 1920 г. объединение «41°» распалось.

В апреле 1918 г. С. Городецкий, основавший в Петербурге в 1911 г. вместе с поэтом Николаем Гумилевым (1886-1921) «Цех поэтов», создал тифлисский «Цех поэтов», открытый приверженцам любых поэтических направлений. Участвовали в «Цехе» около тридцати поэтов. Заседания проводились по средам и были многолюдны. В 1919 г. «Цех» выпустил сборник «Акмэ» со стихотворениями более чем двадцати поэтов, среди которых – Татьяна Полякова (1898/99-1982), Сергей Рафалович (1875-1943), Римма Асильянц-Погосян (1899-1972). Объединение просуществовало до 1922 г.

Художественно-театральная студия «Ладья аргонавтов» открылась осенью 1918 г. Расписал помещение К. Зданевич. Руководителями студии стали С. Городецкий, Г. Робакидзе, Т. Табидзе и поэт Валериан Гаприндашвили (1888-1941). В «Ладье» ставились пьесы, проходили музыкальные вечера. Ю. Деген сравнивал «Ладью

аргонавтов» со знаменитой петербургской «Бродячей собакой»: «Невольно приходится удивляться, насколько шагнул вперед в отношении художественного развития Тифлис» (Газета «Тифлисский листок», 1918, №226, 10 декабря.).

Весной 1918 г. А. Крученых, И. Зданевич и И. Терентьев основали «Футурвсеучбище», где за два года было прочитано около пятидесяти лекций, сопровождавшихся горячими дискуссиями.

Сергей Судейкин. Роспись кафе «Химериони»

Весной 1918 г. в студии пианиста Н. Бендицкого начал действовать кружок деятелей искусства «Павлиний хвост»: проводились вечера, диспуты символистов, звучали стихи на русском и грузинском языках.

Артистическое кафе-клуб «Химериони» (о «Химериони»: И. Дзуцова, «Приют художников «Химериони», журнал «Русское искусство», Москва, 2013, №1, стр. 96-102.), открывшее двери в 1919 г., стало приютом поэтов в Тифлисе и символом творческой дружбы. Он находился в подвальном этаже нынешнего театра им. Ш. Руставели. Пало Яшвили и Тициан Табидзе обратились к находившемуся в это время в Тифлисе художнику Сергею Судейкину (1882-1946) с просьбой расписать кафе. Художник с энтузиазмом взялся за работу, предложив сотрудничество Ладо Гудиашвили, Давиду Какабадзе (1889-1952) и Зиге Валишевскому. Из всех пристанищ тифлисской богемы «Химериони» был, пожалуй, самым популярным и живописным отражением пылкой, красочной эпохи. Росписи в «Химериони»

Театр Питоева на Головинском проспекте (ныне театр им. Ш. Руставели)

стали первым значительным шагом в становлении новой грузинской монументальной живописи. Среди живописных цветов и химер под декламацию стихов символистов, акмеистов, футуристов, под звуки традиционной грузинской музыки и европейской классики из рук гостей доверчиво кормились грациозные лани.

Художник Давид Какабадзе

так оценил значение «Химериони»: «Химериони» надо признать прекрасным памятником в истории нашего искусства» (Газета «Сакартвело», 1920, №3, на грузинском языке.).

Росписи были отреставрированы и продолжают оставаться одной из достопримечательностей Тбилиси.

Кроме вышеперечисленных, известны также артистические

Кирилл Зданевич. Роспись
«Ладьи аргонатов»

кафе «Братское утешение»,
«Медный котел», «Би-Ба-Бо»,
«Кривой Джимми» и др.

Книги и поэзия

Помимо интереснейших журналов, посвященных литературе и искусству – «ARS» (1918-1919), «Куранты» (1918), «Райский орленок» (1918), «Феникс» (1918), «Орион» (1919), в 1917-1919 гг. в Тифлисе были созданы одни из самых ярких, «программных» футуристических произведений.

1917 г.

Василий Каменский, согретый теплым вниманием местной критики и публики, издал в Тифлисе свой сборник «Девушки бо-ским».

А. Крученых, В. Каменский и И. Зданевич выпустили коллективный сборник «1918».

А. Крученых опубликовал книгу «Учитесь худоги», выпущенную «Синдикатом футуристов».

1918 г.

А. Крученых посвятил Пиросмани стихотворение «Любовь тифлисского повара» – не самое заумное в его поэзии, но полное эксцентрики, звуковых и смысловых сдвигов и языковой импровизации. Поэт увидел в Пиросмани первообразы живописи, те, что молодые бунтари от искусства защищали в своих антибуржуазных программах. В том же году он выпустил книги «Малахолия в капоте» (с рисунками К. Зданевича) и «Ожирение роз. О стихах Терентьева и других».

И. Терентьев опубликовал «Крученых грандиозарь».

И. Зданевич издал заумную футуристическую драму «Янко крУль албАанскай». Это был его литературный дебют.

Издан сборник «Софии Георгиевне Мельниковой. Фантастический кабачок».

Ю. Деген издал «Поэму о солнце» с рисунками Игоря Терентьева.

Т. Вечорка опубликовала свой первый и, пожалуй, лучший сборник стихотворений «Магнолии», тепло встреченный критикой.

Вышел коллективный сборник «Фантастический кабачок. Альманах поэтов».

1919 г.

А. Крученых издал сборники стихов «Миллиорк» и «Лакированное трико».

И. Терентьев опубликовал «Рекорд нежности» и «Житие Ильи Зданевича».

Выставки

Выставка 122 работ К. Зданевича 5 ноября 1917 г. стала первой экспозицией левого искусства в Грузии. Несмотря на некоторые критические статьи в прессе, посетители отнеслись к увиденному без враждебности. Т. Вечорка так писала о выставке:

«Вообразите себе на
Большом холсте
Призматически
Преломления, окрашенные
всеми цветами радуги.
В середине цветных
Треугольников, ромбов,
Кубиков, овалов и пр.
Помещается иногда нос,
Иногда глаз, иногда ухо,
А иногда просто
Прилепляются предметы,
Ненужные в домашнем
обиходе – марки, старые
Спичечные коробки,
Разорванные конверты и пр.»

(Газета «Тифлисский листок», 1917, №264, 25 ноября.)

15-17 апреля 1918 г. в Тифлисе состоялась выставка московских футуристов из коллекции А. Крученых, Д. Бурлюка, Н. Гончаровой, М. Ларионова, К. Малевича, В. Татлина и др.

20 мая 1919 г. в помещении т.н. «Тифлисского кружка» (Объединение тифлисской интеллигенции, просуществовавшее с

1889 до 1916 г.) на Головинском проспекте (ныне проспект Шота Руставели) состоялся вернисаж «Малый круг». С. Судейкин был представлен двадцатью тремя картинами. Рецензия С. Городецкого на выставку заканчивалась такими словами: «Его [Судейкина – И.Д.] работы – большая радость для Тифлиса» (Газета «Кавказское слово», 22 мая 1919 г.).

Художники

Уникальный по насыщенности четырехлетний период (1917-1921 гг.) дал мощный толчок творчеству трех грузинских художников.

Давид Какабадзе, искавший свои пути обновления живописи, но с опорой на классические традиции, по возвращении из Петербурга в Тифлис в 1918 г. активно включился в художественную жизнь родного города, оплодотворенную идеями нового искусства. В Тифлисе, как и позже в Париже, он создавал живописные и графические работы и в реалистической, и в кубофутуристической манерах, свои, ставшие знаменитыми, абстракции. Увы, в 1928 г. газета «Рабочая правда» оценила эти произведения Д. Какабадзе как «источник буржуазной идеологии, суть которых – беспредметность и опустошенность».

Ладо Гудиашвили – явление грузинского изобразительного искусства Нового времени. Он синтезировал высокие традиции древнегрузинской живописи с новаторскими находками. Ко времени своей первой выставки в Тифлисе в 1917 г. он создал работы под влиянием кубизма, но среди соблазнов художественной жизни Тифлиса и Парижа (здесь он прожил в 1919-1925 гг.) Гудиашвили остался верен традициям грузинского искусства. Поэт Юрий Деген видел в Л. Гудиашвили новатора, оригинально сочетавшего в своем творчестве приемы кубизма, древнегрузинской церковной живописи и народного примитива (Газета «Тифлисский листок», 1919, №1, 1 января.). Многие тифлисские поэты 1910-х гг. посвятили Л. Гудиашвили стихотворения (Т. Вечорка, Н. Васильева и др.).

Кирилл Зданевич – из той пле-

яды художников, жизнь которых была тесно связана со становлением и развитием грузинского искусства Нового времени. Он вошел в историю грузинского искусства как талантливый живописец, график, художник театра и автор монументальных росписей, иллюстратор книг. Он также известен как один из первооткрывателей, собирателей и пропагандистов творчества Нико Пиросмани. Кирилл Зданевич прошел большой и сложный путь художника-новатора, испытал многие увлечения в искусстве: академизм, кубизм, кубофутуризм, примитив. Художник приобрел свою индивидуальную манеру письма и стиля, стал сочетать на одном холсте приемы футуризма, импрессионизма и примитива (конечно же, под влиянием живописи Пиросмани). Эту его манеру современники тут же окрестили «оркестровой». Его юношеские работы с успехом экспонировались в Тифлисе, а затем и в Москве и Париже (о раннем периоде творчества К. Зданевича см.: И. Дзуцова, ««Найти себя»: раннее творчество Кирилла Зданевича», «Кирилл Зданевич», под редакцией Наны Шервашидзе, Тбилиси, 2018, стр. 58-75.).

Почти одновременно литературно-художественный авангард родился и процветал в разных столицах мира. Тифлис – столица Грузии не стала исключением. Здесь авангард интенсивно развивался и до 1917 г., и после, вплоть до установления в Грузии советской власти в 1921 г. В 1910-х гг. Тифлис жил отголосками уходящей навсегда эпохи, на смену которой спешил XX век. Пускай ненадолго, но он удержал принципы своей эстетики, обогатившей впоследствии грузинское искусство через культ фантазмагии и мифа, культ чистых народных родников творчества и великого Нико Пиросмани. Взрыв эмоциональной инициативы в искусстве способствовал утверждению нового. Национальные оттенки тифлисского литературно-художественного авангарда придали ему неповторимое своеобразие, сделали его важным и неповторимым явлением культуры.

Грузинская земля, гостеприимная, щедрая на дружбу, на новацию, приютила и обогрела своим солнцем таланты, гонимые ветром революций и Гражданской войны в России. Благодарный, поэт Сергей Рафалович писал:

«Изгнания все пути во тьму,
Но милостива к нам чужбина.
Благослови, святая Нина,
Укрывшихся в твоём саду»
(С. Рафалович. Стихотворение без названия, написано в Тифлисе 24 июля 1919 г. Цитируется по книге И. Дзуцовой «Тифлис! Твои поэты в сборе!» – Русскоязычная поэзия Тифлиса 1910-1920 годов», Тбилиси, 2014, стр. 163.).

Несмотря на противоречия, а подчас и открытый антагонизм, цель у новаторов была общая: действенная передача подсознательных ощущений, не безумного, не разумного, а заумного, освобождение слова и образа, восхождение к прообразам. В жарких спорах – источнике вдохновения и духа соревнования – рождались новые истины, вырабатывались концептуальные платформы, серьезные, эксцентричные и экзотические идеи. Здесь уживались и апологеты Запада, и поклонники Востока. Здесь декларировали все формы творчества на грани эпатажа, в духе эпохи – пылкой, вольной. Окружающий хаос и неуверенность в завтрашнем дне подталкивали жить на бешеной скорости, чтобы успеть – в крайне соревновательной среде – найти и утвердить себя.

Не принимая крайностей новых направлений западного искусства и находясь в постоянных колебаниях, грузинское искусство рисковало вовсе оторваться от национальных корней. К концу 1920-х гг. неясная программа и теоретическая неразбериха в контексте укрепления власти Советов свели на нет грузинский литературно-художественный авангард. Молодая советская власть была «терпима к авангарду», поскольку «авангардное искусство воспринималось как протест против буржуазного искусства», «революции годилось все, что противостояло старому, царскому режиму» (Э. Гурвич «Дерзкие параллели. Жизнь и судьба эмигранта». Москва 2012, стр. 122.). С развитием социалистического реализма «от авангарда отреклись и его творцы, и почитатели» (Там же.).

Ни одно произведение грузинского литературно-художественного авангарда не было напрямую связано с революцией. Речь скорее идет о месте искусства в переломную пору. И в этом вопросе участникам тифлисского авангарда – местным и приезжим – несомненно удалось сказать свое весомое слово. Духовные поиски авангарда в большой степени сформировали новое грузинское искусство, в котором был очевиден синтез западного и восточного начал во всех сферах культуры: изобразительном искусстве, архитектуре, поэзии, театре, кино, музыке.

ДАВИД ЦЕРЕДИАНИ

■ **Камилла Мариам КОРИНТЭЛИ**

Это имя неизвестно русскоязычному читателю. Предлагаемый ниже перевод стихотворения «Примирение», написанного довольно давно – «первая ласточка» на русском языке. Я перевела его вскоре после смерти Давида Цередиани. Автором идеи был мой старинный друг, известный грузинский поэт Эмзар Квитаишвили.

Одного стихотворения для знакомства с творчеством поэт – а Д. Цередиани и поэт, и переводчик, и исследователь, и эссеист, – конечно, недостаточно, но художественный и философский контекст «Примирения» позволяет ему послужить небольшим окошком во внутренний мир автора.

Он родился в 1937 году. мальчик с заоблачных высот Сванетии окончил тбилисскую школу. Упомянув школьный период жизни Д. Цередиани нельзя обойти молчанием ту роль в формировании творческой личности будущего поэта, которую сыграл литературный кружок тбилисского Дворца пионеров и школьников. Им руководила прекрасный педагог и неординарный человек, всеми любимая и уважаемая Кетеван Ананишвили, или – тетя Кето. Она воспитала представителей не одного поколения, некоторые из которых стали впоследствии известными поэтами. Глубокий знаток родной литературы, она умела открывать детям ее новые грани, привить к ней вкус и любовь. Здесь будни были увлекательны и интересны, здесь происходили встречи с выдающимися грузинскими писателями, как Константин

Гамсахурдиа, Георгий Леонидзе и другими, а на торжественные вечера никогда не хватало билетов и попасть всем желающим было сложно.

Высшее образование Д. Цередиани получил в Тбилисском государственном университете (грузинская филология) и по окончании его с 1963 года стал работать в Научно-исследовательском институте грузинской литературы им. Шота Руставели.

Его первая поэтическая публикация, появившаяся в журнале «Мнатоби» («Светоч») в 1983 году сразу привлекла к себе внимание литературной общественности и ценителей поэзии. Позднее вышли два сборника стихов «Орион» (2010) и «Парапет» (2020), о которых можно сказать: «мал золотник да дорог». Его поэзия опирается на прочный многовековой фундамент сванского фольклора с его завораживающей своеобычной красотой и мужественностью. Кстати, Давид Цередиани оставил нам бесценный дар – он перевел на грузинский язык этот самый фольклор и издал его в двух книгах – «Иринола» и «По следам сванских песен».

Нельзя не упомянуть хоть одним словом сборник его эссе «Отражение», который был издан и переведен.

В художественном переводе он работал много, успешно и плодотворно. Большой резонанс приобрели его переводы Франсуа Вийона, Артюра Рембо, Поля Валери и других знаменитых французских поэтов. С испанского он перевел «Цыганский романсеро» великого Лорки. С немецкого – поэтические произведения немецкой и всемирной литературы – «Сказки братьев Grimm» (3 тома) и «Фауст» А.В. Гете. Весь этот бурный поток произведений и вся творческая деятельность Давида Цередиани, отличающаяся высоким профессиональным уровнем и щедрым талантом, была отмечена многими наградами. Это престижные премии – Ильи Чавчавадзе, Иванэ Мачабели, Саба, Гиви Маргвелашвили и – самая почетная – премия Шота Руставели.

Невольно мне вспоминается один маленький эпизод из прошлого: как-то раз – где-то в конце восьмидесятых, я позвонила Дато Цередиани и пригласила его зайти ко мне в редакцию («Литературной Грузии»), «побеседуем насчет публикации» – сказала я. Он пришел в назначенный день, но стихов не принес. Пришел, вероятно, из природной вежливости. И сказал, что переводов его никто не делал, да и вряд ли это получится. Мы немного поговорили и, поблагодарив меня за внимание, он ушел, так и не сняв с головы свою неразлучную сванскую шапку... И теперь, столько лет спустя, мне все же удалось перевести и опубликовать пусть хоть одно его стихотворение и сказать читателям: вот, дорогие, был такой замечательный поэт, такой блестящий переводчик и человек с богатой душой!

Давид ЦЕРЕДИАНИ

ПРИМИРЕНИЕ

Куда бегут, бегут поля,
Зачем так странно запестрели?
И где я видел две свечи, –
Не у порога ли забвенья?
В пути мне встретился цветок
Белее снега и нежнее,
Он тщился что-то мне сказать,
Но слова вымолвить не смог.
В твои одежды облачен,
Он звался именем твоим.
Печалью полнится страница...
О, Времени неодолимый ток!
Оно приходит – и уходит.
Тебе неведомо, цветок,
Как смерти ты подходишь.
Пришла. Уселась в изголовье,
На тень проливши цвет небес.
Коснулась лба перстами
прохладными, как избавленье...
К твоим пределам подойдя,
Узрев твой свет нездешний,
К чему о чем-либо мечтать
Иль восставать из мертвых!
Конечно, траур ты оденешь...
Цвет черный шел тебе и прежде.
И ты придешь в мой скорбный сад
И Богоматери цветок посадишь...
Отныне все дела твои, все встречи
Моим небытием украсишь.
А в сердце затаится боль –
Незримо и надолго.
Тебе неведомо, цветок,
Как смерти мы подходим!

*Перевод с грузинского
Камиллы Мариам КОРИНТЭЛИ*

ВИНОГРАДНАЯ ГРОЗДЬ ИЗ КАМНЯ

Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

В ходе Международной конференции по туризму в холле гостиницы «Рэдиссон» мое внимание привлек стенд со множеством красивых ювелирных и декоративных изделий в форме виноградной лозы, сделанных из камней. Гроздь винограда грациозно свисала с винных бутылок, бокалов и ваз. А от изящных миниатюрных листьев лозы в виде броши не смогла бы отказать ни одна модница.

Автором этих произведений искусства является юрист и педагог с многолетним стажем Фати Кахниашвили, основатель и руководитель компании «Зилфи», производящей эксклюзивные украшения и аксессуары ручной работы с концепцией грузинской виноградной лозы

и грозди. Она родом из Самчаблo, поэтому ностальгия по отчужденному дому и воспоминания из детства нашли отражение в ее работах. Могила отца Кахниашвили осталась на оккупированной территории, что является большой трагедией для ее семьи. «Отец очень любил лозу и память о нем побудила меня, юриста, попробовать свои силы в искусстве. До этого на протяжении тринадцати лет я занималась юриспруденцией, тогда и представить не могла, что когда-нибудь буду работать с камнем, но три года назад вдруг пришло вдохновение и я стала создавать эти изделия», — рассказала Фати. Она с таким увлечением погрузилась в создание украшений, что это стало

любимым занятием, а не просто хобби. Первые же работы получили очень хорошие отклики со стороны друзей и знакомых Фати, начали поступать заказы. Это заставило Кахниашвили отказаться от своей прежней профессии и целиком переключиться на творчество. Со временем эта деятельность обрела параметры настоящего бизнеса.

«Зилфи» – свисающие со лба локоны

По словам Кахниашвили, важную роль в становлении компании сыграл Саба Кикнадзе, основатель холдинга Georgian Hospitality Group, который внес огромный вклад в развитие туристической индустрии Грузии. Фати познакомилась с ним, когда еще только начинала свой бизнес. В ту пору она работала в Доме юстиции и совершенно случайно посетила мероприятие, проводимое в рамках «Недели стартапов», проходивших в Технопарке. Там Кикнадзе обратился к участникам

Виноградная гроздь из аметиста

встречи и выразил готовность оказать всестороннюю поддержку начинающим предпринимателям. Кахниашвили взяла его визитную карточку, спустя несколько дней позвонила и предложила показать свои работы. «Приходите к нам в офис, приносите свои изделия», – ответил он. Фати призналась, что тогда у нее не было работ такого изысканного дизайна, как сегодня. Преодолевая сомнения, она набралась смелости и отправилась на встречу. Саба позвал своих сотрудников, показал им изделия: «Грузия – страна виноградной лозы, почему до сих пор никто не додумался создать нечто подобное?» Как оказалось, бренда с такой концепцией ранее не существовало в Грузии. Кикнадзе очень понравилась идея, он попросил Фати придумать название бренда, сделать надлежащую упаковку и пообещал, что первый заказ ей даст его компания. Он посоветовал придумать звучное название, которое покупатель мог легко запомнить как в Грузии, так и за рубежом. Концепция продукции – виноградная гроздь, поэтому наименование должно было быть исконно грузинским. Слово «зилфи» на древнегрузинском языке означает «свисающие со лба локоны», в старину в Грузии женщины носили украшения в виде подвесок, свиса-

Фати Кахниашвили

ющих со лба, поэтому термин «зилфи» всецело ассоциируется с ювелирными изделиями. Всего через неделю она пошла к Кикнадзе с фирменной упаковкой, названием собственного бренда и положила изделие ему на стол. Он был крайне удивлен, что в столь короткий срок Фати успела создать готовый для продажи продукт.

Успех придал Кахниашвили уверенность, послужил стимулом для дальнейшей работы. «Когда я ушла со своей предыдущей работы, первый серьезный заказ мне дала компания Сабы Кикнадзе. «Зилфи» встала на ноги при содействии многих интересных людей, благодаря которым наша компания вышла на орбиту бизнеса».

Кетеван Багратион-Мухранская и папа Франциск

Черная гроздь из аметиста

В качестве материала для изделий Фати использует полудрагоценные, натуральные камни тех цветов, которые по тональности схожи с виноградной гроздью, кроме того, исходя из своего вдохновения, она дополнительно применяет камни других цветов. «Это знаменитая черная гроздь, сделанная из аметиста, точно такую же посол Грузии в Ватикане Кетеван Багратион-Мухранская подарила папе Франциску, когда была приглашена к нему на аудиенцию в позапрошлом году. Гроздь украшала бутылку грузинского красного вина. После этой встречи были опубликованы фотографии Папы Римского, с интересом рассматривающего столь оригинальный сувенир», – отметила Фати.

Помимо аметиста Кахниашили использует коралл, кварц, лазурит, цитрин, жадеит, агат, оливин, пренит, опал, граненые рубины и родониты. «Из классического белого жемчуга получается очень красивая гроздь», – подчеркнула она. Украшения и аксессуары, производимые «Зилфи», могут удовлетворить вкус самого взыскательного покупателя: броши, сережки, браслеты, ожерелья, пуговицы, запонки и т.д. Лозу можно применять не только в качестве украшения или ювелирного из-

делия, но и как независимый элемент декора: «вот гроздь, вставленная в рамку, или как оформление бутылки, вазы, бокала. Аксессуар из листьев великолепен, в украшениях получается очень изящным», – сказала Фати. Особой элегантностью отличается недавно созданная мужская линия – булавки для галстука в форме маленьких квеври, запонки, пуговицы для сорочки, застёжки для мужского пиджака. Кахниашили покупает уже обработанные, готовые к использованию камни, далее все детали украшений создаются по ее личному дизайну, – «вот это первые образцы листьев, все они разные, не штампованные, потому что не отлиты в форме, а делаются вручную. Это настоящая ручная работа». Другие листья отлиты в формах, созданных по ее же дизайну, это брендированные листья, на каждом из них фирменный логотип «Zilfi». Кахниашили работает с латунью, серебром, бронзой, некоторые листья лозы из латуни сделаны с эффектом искусственного старения. Каждая деталь изделия имеет свой смысл, например, лист, изрешеченный отверстиями, напоминающими пробоины от пуль, символизирует ее родной край Самачабло. По словам Фати, украшения несут большой позитивный заряд, покупатели пишут ей, что любят

ее изделия, так как они излучают особую энергетику. «Когда я работаю над украшением, с каждой гроздью разговариваю как с ребенком, и это душевное тепло передается предмету. Для меня большое счастье – приносить кому-то радость». Так как продукция пользуется растущим спросом, нужно расширять бизнес, Кахниашили

Ваза, украшенная гроздью винограда из сердолика

Декоративное панно

выиграла грант государственной программы «Производи в Грузии» и сейчас строит мастерскую с экспозиционным залом. Она планирует привлечь в свое предприятие женщин, ставших жертвами насилия, для них будут организованы бесплатные курсы обучения ремеслу. Те, которым понравится это дело, смогут получить работу в компании, таким образом «Зилфи» внесет свой небольшой вклад в их реабилитацию. После завершения строительства мастерской компания предложит клиентам много новшеств, постепенно будет увеличено количество производимых моделей.

Ожерелье «Повесть о Грузии»

По словам Кахниашвили, деятельность компании нацелена на популяризацию богатого исторического и культурного наследия страны. На одном из конкурсов, проводимых в Италии, Фати представила массивное ожерелье под названием «Повесть о Грузии», оно состоит из множества информативных деталей – гроздь бледно-зеленого оттенка, красиво переплетенные листья лозы разных размеров и форм, в том числе и «изрешеченные» листья, соединенные между собой кевври и большие цифры 8000 – символизирующие многовековую тради-

цию виноделия. Ожерелье приобрело популярность аудитории за рубежом, – «для меня было важно вынести эту историю за пределы Грузии и рассказать о нашей родине людям, живущим в других странах».

Несмотря на то, что компания создана не так давно, в 2018 году, ее послужной список достаточно велик, «Зилфи» принимала участие во многих конкурсах и выставках как на родине, так и за ее пределами: в Тбилисской неделе моды 2018 года, Фестивале вина в Этнографическом музее, выставке в галерее Incinque Open Art Monti (Рим, Италия), благотворительной выставке в Вене по приглашению посольства Грузии в Австрии, также были организо-

вать свою продукцию. Сначала Фати сомневалась в успехе, однако продажи превзошли все ожидания, горожанам очень понравились изделия. В особенности привлекло многих то, что украшения производятся здесь, в Грузии. Своего фирменного магазина у компании пока нет, но уже три года она сотрудничает с Домом-музеем Александра Чавчавадзе в Цинандали, где реализуется продукция. Представители отечественной туристической индустрии – музеи, винные компании, гостиницы, погреба активно используют изделия «Зилфи» для оформления продукции и украшения интерьеров. Недавно винная компания «Челти» отвезла свои вина на дегустацию в Рим, где

Ювелирные украшения фирмы «Зилфи»

ваны персональные выставки в Университете искусств Рима и Центре искусств австрийского города Санкт-Полтен, изделия бренда были представлены на Международном экспо в Южной Корее. Плодотворным оказалось сотрудничество Кахниашвили с дизайнером Тинатин Магалашвили.

По словам Кахниашвили, тематика работ привлекает не только иностранных туристов, но и пользуется успехом среди соотечественников, что вдвойне отрадно. До пандемии она принимала участие в «Тбилисском базаре» – небольшой ярмарке, организованной во время выходных, где представители малого бизнеса могли реализо-

во время презентации бутылки украшали разноцветные гроздья «Зилфи». Кахниашвили с радостью отметила, что изделия очень нравятся грузинским эмигрантам: во время пандемии поступило много заказов на ювелирные изделия и аксессуары для винных бутылок, – «людям, живущим далеко от Грузии, мы отправляем частичку нашей родины, это делает их счастливыми, а для нас служит хорошей мотивацией для творчества», – подчеркнула Фати.

В статье использованы фотографии с сайта компании «Зилфи».

«ЖИВОПИСНЫЙ ОСТРОВ В ПУСТЫНЕ»

■ **Мака ДЖОХАДЗЕ**

Перевод с грузинского **Марины МАМАЦАШВИЛИ**

(Эссе о Зурабе Нижарадзе)

— Какой современный художник тебе нравится? — спросила меня однажды молодая журналистка.

— Эндрю Уайет... Из наших очень люблю Нижарадзе.

Зураб Нижарадзе был моей любовью. Почему был? «Любовь не умирает, любовь парит...»

До сих пор помню, как после возвращения с выставки с необыкновенными впечатлениями, записала в дневнике: с такой детской непосредственностью и серьезностью к женской груди никто не относится. Хорошие художники с подобной скрупулезностью способны рисовать лишь пейзажи. К тому же цвет у этого художника никогда не бывает самоцелью, цвет — это его мировоззрение. Поистине впечатляющая работа Нижарадзе «Утро»: одна женщина молодая, другая чуть старше. В зависимости от возраста — их тела, и в частности груди, дают ощущение стройности и упругости. То же и на других портретах. Но каждую женскую

грудь, обнаженную или прикрытую, объединяет цвет молочной вуали, точнее, цвет вечного расцвета. Цвет, который подразумевает непрерывную, вечную функцию женщины — плодородие. Какие портреты! Боже мой, какие портреты! Никто, кроме Стефана Цвейга и Нижарадзе, не понимает так природу женщины и самих женщин...

Мы, люди, устраиваем себе короткие каникулы. Крутимся вокруг конкретных дат, кружимся, словно в детском хороводе. Из года в год мы встречаемся семейными, родственными или дружескими группами, радуемся успехам, подчеркиваем важные дни или открытия, мы, как малые дети, раскрашиваем области, окаймленные черными и белыми контурами, фрагменты, которые лично для каждого из нас ограничены временем и пространством, а затем чинно, степенно входим в возраст. Ближе к старости мы создаем то переживание совместного времяпрепровождения, те всеобщие празднества,

которые дает нам в основном искусство, которые дарят нам поэты, прозаики, художники, музыканты, режиссеры...

Все мы помним, какой колоссальный праздник спектаклем «Кавказский меловой круг» Роберт Стураа создал сначала для Грузии, а затем и для всего театрального мира.

В Тбилиси никогда не забудут фольклорные вечера Вахушти Котетишвили; в Большом зале филармонии состоялся показ грузинских документальных фильмов о царице Кетеван и Эквтиме Такашвили. И это был всеобщий праздник, который устроил Резо Табукашвили.

Да, это был праздник нашего менталитета, достоинства, памяти, праздник грузинского искусства.

Рождение романов Отара Чхеидзе «Ветер, у которого нет имени» («Бориаки») и Чабуа Амиразджиби «Дата Туташиа» и появление, словно извержение вулкана, великолепных романов Отара Чиладзе, было незабываемым событием для грузинских читателей... В конце восьмидесятых годов состоялась персональная выставка картин Темо Джапаридзе, она стала своего рода предостережением и прологом для тех судьбоносных событий, которые произошли в Грузии в девяностые годы...

Что еще могу перечислить...

Радость, испытанная от персональной выставки Зураба Нижарадзе, для моего поколения была подобна появлению «Кавказского мелового круга», который словно исполинский бенгальский огонь со свойственным ему шипением забрасывал в зал печальные искры на протяжении всего спектакля.

В картинах Зураба Нижарадзе было такое здоровое сияние, такой внутренний свет, что я не могла поверить, что нечто материалистическое — хотя бы масляные краски способны на такое чудо. Спустя годы мне попало на глаза интерпретация искусства по-нижарадзевски: «Искусство — это праздник воскрешенной материи».

Я не искусствовед и поэтому, естественно, у меня нет амбиций определять, к какой художественной школе, к какому художественному течению относится

Зураб Нижарадзе. Такие течения и группировки также весьма условны и в литературе. Но у меня есть четкое ощущение, что своим темпераментом, жадой жизни, празднованием веселых красок, красоты, а иногда и спонтанностью он более всего напоминает мне импрессионистов.

Мы помним цвет, прошедший через солнечный спектр, видели, как он рассеивался в атмосфере с мерцанием, со здоровой желтизной, солнечной зеленью, апельсиновым огнем. Тропический порыв импрессионистов вызывал восхищение у Верхарна... Вот такое же неизгладимое впечатление произвела на меня персональная выставка Зураба Нижарадзе.

Спустя годы, когда я узнала, что художник провел несколько лет своего детства (до 13-14 лет) на берегу моря из-за своего отца, который работал инженером в Батуми, я сразу поняла, откуда у художника такая тяга к светлым, переливающимся, как искристые на солнце волны, тонам, нежность и любовь, понимание того величия, которое вызывает восход и закат солнца на морском горизонте. Только лучи солнца, отраженные от морских волн, могут дать нам столько света. На таком фоне, на что бы ни смотрели – будь то неказистая избушка рыбака или интерьер любой квартиры, подразумевается безмерность пространства, беспредельность света и здоровья.

Между тем Зураб Нижарадзе – типичный представитель

В мастерской Зураба Нижарадзе

того поколения, чья чуткая душа, как бы его детство ни было защищено, благодаря биографиям его непосредственных предков – родителей или бабушек и дедушек, преждевременно ощутила тяжелые настроения, вызванные политическими репрессиями в родном городе и родной стране. Он увидел и почувствовал окаменевших от страха людей и деревья. Это был период, когда даже дети были неестественно напряжены и замкнуты в себе. Шум моря больше не улавливали его ушные раковины. На слух удручающе давили тяжелые шаги страха, поднимающиеся по ступеням подъезда в полночь, резкие, жестокие, саркастические...

Страх... старейший и вечно новый палач свободы, у которого были победы, поражения, но

который даже во время великих восхождений ничего не мог поделаться со своим низким происхождением.

Страх... сказочный алхимик реальности, неусыпный враг красочных снов, который превращает зелень сохранный в памяти поймы в жухлый желтый цвет, способствует увяданию цветов и распугивает птиц, гроздьями висющих на кронах деревьев.

Страх, убравший знойные дни волшебного лета, которое завершает «римские каникулы» поколения и с кнутом в руках погоняющий побелевших мальчиков и девочек по длинным, стылым коридорам зимы...

В последующие годы будет еще труднее. Вселенский страх, голод, холод словно отпечатаны абстрактной рукой злого человека. ...Треск издадут атрофированные, истощенные суставы, на висках проросли, словно листья подорожника, зеленые вены, скулы превратились в обтянутые кожей кости. Унизительно вторжение в нежнейшую мякоть тела, когда ты больше не женщина и не мужчина, когда чувство пола отнято и отделено жизнью, подобно тому, как доктор поддевает острым пинцетом кусок обваренной, морщинистой кожи, когда люди с панической быстротой раздеваются догола на виду друг у друга и когда на 40-градусном морозе, в вывешенных на ремнях ворохах грязной одежды, постепенно гибнут крохотные кровососы.

Унижение столь разнообраз-

Хахи Кавсадзе на фоне работ Зураба Нижарадзе

но, что детство становится невозможным. Взросление протекает с невероятной скоростью, девочки превращаются в женщин, мальчики мужают. Беспомощность угнетает больше, чем голод. Чувствительность становится опасной. Воображение притягивает, как обнаженные провода высокого напряжения, притягивает грустные лица людей, наказанных инквизиционным фанатизмом и страстью, это пейзажи потрясенных, шокированных душ, саркастические проявления жестокого существования... И все же...

Слава богу, что все это не смогло сломить их добрые души, и они остались людьми.

Блаженный Августин, интерпретируя «Отче наш», в частности стих «...и прости нам долги наши, как и мы прощаем...», говорит такую потрясающую вещь: «Если ты хоронишь свой гнев, ты превращаешь его в ненависть, ибо ненависть есть застарелый гнев».

Этот «застарелый гнев» напомнил мне совершенно гениальное определение ржавчины, данное Сулханом-Саба Орбелиани: «ржавчина — яд железа».

Я видела разгневанных художников, точнее, их работы, и не только Гуттузо, Гойи, Мунка, Дали... У грузин, выросших в теплой солнечной стране, тоже есть

славные художники, портреты которых наполнены злобещей памятью. Как в литературе, так и в живописи этот цвет совершенно не зависит от качества памяти, это скорее характер и темперамент.

Зураб Нижарадзе — живописец, в творчестве которого нельзя припомнить ни одного холста с мрачным цветом. О «застарелом гневе» говорить излишне, так как в грузинской литературе представлен гнев Нодара Думбадзе, даже его интонации.

В литературоведении существует понятие повторяющихся слов, которое даже является своего рода ключом к пониманию мировоззрения писателя. Так читаются слова, наиболее часто повторяющиеся в романах Григола Робакидзе: «Страсть», «Солнце», «Солнечно», «Дуб», «Земля», «Невинность», «Башня»...

Птицы, птицы... Птицы, увиденные во сне продавцом, машущая крылышками, сидящая на ладони мальчика, или розовые птички, согретые за пазухой молодой пары, — это полотна, не только доставляющие эстетическое удовольствие совершенством цвета и форм. Это картины, которые в первую очередь заставляют задуматься, и как сказал бы Робакидзе, позволяют испытать «интеллектуальную радость».

Тема петуха многократно по-

вторяется в творчестве художника, будь то улицы Рима или его родного Тбилиси. Незабываемая крестьянка в цветастом платье и в ноговицах с крапинками, которая заботливо поит измученного жарой петуха водой из уличного фонтана, а за этой сценой наблюдают горожане с забавным удивлением.

Человек с домашними пернатыми (индейка, петух, гусь) неоднократно появляется в кадрах фильмов Кустурицы. Отражению мира, доведенного до безумия, абсурдных невротических ситуаций, выраженных в саркастических формах, эти взъерошенные пернатые существа также явно вносят свой вклад. Петуха — эту библейскую птицу, нарисованную грузинским художником с теплым и добрым юмором, Эмир Кустурица обесчестил и высмеял его мужественные шпоры.

Удивительна серия обнаженных фигур, овальные формы которых одновременно сочетают в себе мягкость Ренуара и полноту Тициана. Цвет Нижарадзе — незаменимый, самообытный, разный тон для каждого портрета, постоянно меняющийся соответственно характеру самой женщины — богатый, насыщенный, неожиданный.

Цвета итальянского дневника Зураба Нижарадзе напоминают мне повсеместно горящие костры. Одна женщина — один костер (чакоконоба — языческий ритуал очищения огнем), как зажженные на венецианском рыбном рынке, так и вспыхивающие огненно-рыжими сполохами на фоне католических монахов в красных кушаках.

Ну и что, если они слуги Бога. Интересно, о чем говорят эти пуритане посреди улицы с таким рвением. Какие изменения обсуждались под высокими сводами Ватикана, чтобы отвести глаза, чтобы игнорировать этот свет в образе женщины, которая только что прошла мимо. Неважно, что это божественное чудо не является ни херувимом, ни ангелом, сотворенным для земной жизни. Цвет ее платья (смесь яично-желтого и апельсинового), как мне кажется, даже не был изобретен, а спонтанно посетил художника. Волшебная кисть художника так же спонтанно подобрала красный цвет из палитры и

3. Нижарадзе. Цирковые артисты

раскрасила губы, сумочку и туфли этой красивой женщины...

Полным антиподом этого полотна является картина «Монахиня и обнаженная женщина», которая читается совершенно независимо. Хотя она и основана на «Декамероне» Боккаччо. В общем, здесь следует сказать: что бы ни оформлял Зураб Нижарадзе – будь то «Генрих VI» Шекспира, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, «Алиса в стране чудес» Льюиса Кэрролла или романы Отара Чиладзе – иллюстратором, в традиционном понимании слова, он никогда не был. Его изображения – это независимое прочтение, интерпретация, а это значит, что художественное полотно имеет независимую ценность.

Образ «Женщины на ослике» оставляет ощущение далекого времени и пространства и одновременно тепло вечной близости. Три фигуры, изображенные на этой задымленной картине: мальчика, женщины и ослика вызывают в нашем воображении библейские воспоминания. Они словно выходят из тумана навстречу нам... Велико искушение, но смирения назвать их знакомыми и драгоценными для всех именами еще больше.

Одна из самых красивых картин Зураба Нижарадзе – «Продавец птиц» ни по цвету, ни по настроению, ни по сюжету, ни по колориту не имеет с Пиросмани ничего общего. Но сон старика, спящего на покрытой ковром кушетке, такой же близкий и родной нам, как и Пиросмани.

Отдельный мир в творчестве художника – его портреты. Он всегда выбирает близких людей для натуры. Близких не только для него, но и для нас, потому что большинство из них – представители творческой интеллигенции. Поэтому во взгляде каждого из них, наряду с личными, читаются также наши общие мысли и печали.

Когда Пол Синьяк посетил Камилу Писсарро, живущего на улице Риволи, он сделал такую запись в своей записной книжке: «На стенах комнаты висят его ранние работы, и видно, насколько они лучше нынешних. Картины художника, исчезнувшего в темных тонах современного времени, больше не пере-

3. Нижарадзе. Ню

дают чарующего величия. Этот необыкновенный зимний день был окрашен послеполуденным коралловым солнцем. Длинные синие тени контрастировали с огненными тонами света и теряющие силу тускнели вместе с ними в окружении красивых фигур. Пейзаж, увиденный с балкона, напоминал «импрессионистское» понимание жизни, света и цвета. Отойдя от окна я, к сожалению, увидел угрюмую, мрачную интерпретацию художника. Однако характер Писсарро остался прежним и его здоровье по-прежнему крепкое... Странно, что импрессионизм заканчивается чернотой. Ко всему, с чем импрессионисты боролись всю свою молодость, к концу своей карьеры, они будто бы тяготеют, приближаются намеренно...»

Не могу утверждать, что эти слова являются точной и глубоко-

кой оценкой жизни и творчества импрессионистов... Но одно могу сказать с уверенностью – в отличие от Писсарро, несмотря на печальные процессы, которые с катастрофической скоростью развиваются на Земле, несмотря на экологическое, духовное, нравственное и морально-интеллектуальное запустение, палитра Зураба Нижарадзе до последней минуты не утратила сияния веры, надежды и любви. После своего ухода из этого мира он подтвердил свою веру в то, что настоящее искусство, а именно живопись, – это попытка вернуть людям потерянный рай.

Спасибо ему за эти старания и великий труд!

Отныне, для нашего вдохновения, в лице творчества Зураба Нижарадзе в мире появился еще один остров живописи.

ДОМ, ГДЕ СОГРЕВАЛИСЬ СЕРДЦА

■ Владимир ГОЛОВИН

У одного из красивейших строений на тбилисском проспекте Руставели в этом году юбилей. Зданию, которое многим поколениям горожан знакомо как Дом офицеров, исполняется 105 лет. И с ним самим, и с тем, что было на его месте, связано немало интересных, в чем-то даже знаковых для грузинской столицы событий.

Для начала придем сюда весной 1888 года вместе с известным тифлисским музыковедом, пианистом и публицистом Василием Коргановым. И он сообщит, что здесь готовятся к большому любительскому концерту: «К концерту предстояло две или три репетиции в зале нового «Кружка», в доме, завещанном городу Тифлису старухой Шиоевой, на углу Головинского проспекта и Давидовской улицы».

Речь идет об артистическо-музыкальном кружке, который многие называли просто «Тифлисский кружок». Он перебрался

на угол нынешних проспекта Руставели и улицы Бесики из дома своего создателя, знаменитого промышленника-мecenата Исаея Питоева в Сололаки. И получил специально для него переделанные помещения. Вновь слово — Корганову: «В праздничный день, утром, в зале Кружка начали мы репетировать. Пришел Чайковский». Но не только пребыванием великого композитора гордился этот дом.

В 1871-м здесь прошла большая выставка полотен Василия Верещагина. Знаменитый художник-баталист в 1860-х годах неоднократно бывал в Тифлисе, писал этюды, давал уроки рисования в высокопоставленных семьях и в нескольких учебных заведениях. И потом, именно в зале дома, принадлежавшего последней представительнице династии Шиоевых, представил свои картины. А еще в этом доме работал самый, пожалуй, необычный в мире дантист.

В №89 газеты «Кавказ» за 12 ноября 1859 года можно прочесть: «Прибывший из Лондона зубной врач Э. ВЕСТЛИ предлагает свои услуги почтеннейшей тифлисской публике, во всем, что касается зубных операций по новейшим английским и американским методам, как-то: вставление искусственных зубов, не уступающих прочностью и красотой эмали лучшим натуральным, пломбировка и вырывание испорченных зубов, очищение их от винного камня и т. п. Жительство имеет на Головинском проспекте в доме Богданова, при фотографическом заведении Окуловского».

Со временем Эдуард Вестли перебирается в дом Шиоевых, живет и работает там вплоть до 1883 года, пока не уезжает в Санкт-Петербург. Но уже не дантистом, а... фотографом. Оказалось, что тифлисцы гораздо охотней идут к треноге фотоаппарата с магниевой вспышкой, чем к зубоучастному креслу. Что, признаем, случается и поныне. А на берегах Невы мистер Вестли, уже в ранге «фотографа Его Императорского Высочества Наместника Кавказского в Тифлисе» открывает фотомастерскую в доме 14 по Невскому проспекту. Основывает династию фотографов, становится популярен, снимает, в частности маленького Сашу Блока... Вот какие метаморфозы происходили в здании на углу Головинского и Давидовской!

А в 1916 году на этом месте появляется новое, внушительное, в стиле неоклассицизма здание «Кружка». Потом оно приняло Офицерское собрание. Его проектирует выпускник Рижского политехнического института Давид Числиев. С 1910-го до начала 1930-х он работает в Тифлисе на разных должностях, в том числе — главного архитектора города и заместителя директора Тифлисского комитета госсооружений. Он — один из создателей в столице Грузии литературно-художественного журнала «ARS».

Коренным тбилисцам хорошо знакомы и такие его творения, как здание «Зари Востока», ныне превращенное в торговый центр и «Трамвайные дома» (жилой комплекс работников

Дом Шиоевых на углу Головинского проспекта и Давидовской улицы

Трамвайного парка) в конце теперешнего проспекта Агмашенебели. Работал он и над перепланировкой и реконструкцией Сочи. А в создании нового здания «Кружка» поучаствовал и выдающийся скульптор, ученик Родена, народный художник Грузии Яков Николадзе. Он – автор интерьеров и кариатид, глядящих на проспект с третьего этажа.

Очень скоро это творение Числиева оказывается в центре яркой творческой, богемной и даже эпатажной жизни, захлестнувшей Тифлис после развала Российской империи. По словам английского журналиста Карла Бехофера Робертса, в те годы он увидел в Тифлисе «все, что осталось от русского общества: поэтов и художников из Петрограда и Москвы, философов, теософов, танцоров, певцов, актеров и актрис». Один за другим появляются кафе, студии, подвальчики, в которых собираются представители все-

возможных направлений русского авангарда, бежавшие в Грузию от разрухи, от войны.

А в подвале дома Офицерского собрания с 1918 года поселяется театр-студия «Ладья аргонатов». Там идут пьесы, и устраиваются музыкальные вечера, проходят художественные выставки и диспуты, восхищает публику такая диковина, как американский бар с чернокожим певцом Джимом. И всюду пускается в эксперименты бунтарская творческая молодежь. Стены студии расписывает авангардист Кирилл Зданевич, литературной частью заведуют знаменитый поэт Серебряного века Сергей Городецкий и поэт-символист Григорий Робакидзе, которому помогают соратники по группе «Голубые роги» Тициан Табидзе и Валериан Гаприндашвили. Здесь отстаивают свои взгляды на искусство художники Давид Какабадзе, Ладос Гудиашвили, Зига Валишевский, леваки из радикаль-

ных группировок «Синдикат футуристов», «Футурвсечуище», «41 градус»...

На маленькой сцене здесь с успехом ставят поэму Акакия Церетели «Наставник» и модные у петербургской богемы одноактные пьесы, среди которых – запрещенная цензурой «Два пастуха и нимфа в хижине. Пастораль для маскарада» поэта Серебряного века Михаила Кузмина. Здесь проходят вечера композитора Николая Черепнина и пианиста Льва Пышнова. Первый из них станет директором Тифлисской консерватории, сбежит от большевиков во Францию к балетной труппе Анны Павловой, создаст и возглавит Русскую консерваторию в Париже. А второй – первым из выдающихся европейских пианистов совершит концертный тур в Персию, а в 1938 году станет первым, кто транслировался по телевидению из лондонского Alexandra Palace.

А подробнее об атмосфере

Оборотная сторона фотографии
Э. Вестли

в «Ладье аргонавтов» рассказывает в газете «Тифлисский листок» №226 за декабрь 1918 года член литературного объединения «Цех поэтов» Юрий Деген:

«Как приятно, что нашлись, наконец, в Тифлисе энергичные люди, устроившие здесь своего рода петроградскую «Бродячую собаку» или второе издание ее – «Привал комедиантов». Именно такого учреждения, проникнутого богемным искусством, начиная со сцены и стенной живописи кончая маленькими чашечками, в которых вам подают черный кофе, не доставало многим тифлисцам. Только на этой неделе спустился я впервые по широкой лестнице, затянutoй мягким войлоком, в пестрый «трюм» «Ладьи аргонавтов» и, кажется, попал на один из наиболее интересных вечеров, устроенных в нем... Невольно приходится удивляться, насколько шагнул вперед в отношении художественного развития Тифлис. Весь этот вечер, не будь некоторой некультурности публики, позволявшей себе разговаривать во время действия, производил впечатление вполне столичное, как в смысле качества произведений, шедших на сцене, превосходных декораций Кирилла Зданевича и подбора исполнителей, так и в смысле общего настроения, царившего весь вечер в «Ладье».

Саша Блок. Фото Э. Вестли

Но к концу своего двухлетнего существования «Ладья аргонавтов» превращается в нечто вроде заурядного кафешантана, и в здание Офицерского собрания молодых людей манит уже «Студия сценического искусства под руководством А.С. Петраковского». Она особенно примечательна тем, что среди ее преподавателей – Николай Евреинов, о котором в энциклопедиях напишут: «Одна из ключевых фигур Серебряного века: теоретик и историк театра, ученый-правовед, режиссер, драматург, искусствовед, музыкант и историк древних цивилизаций, чьи парадоксальные идеи далеко шагнули за хронологические рамки своей эпохи, обозначив вектор развития многих художественных новаций XX века». В общем, везло этому месту на замечательных людей!

А потом в Грузии устанавливается советская власть, и Офицерское собрание превращается в Дом Красной Армии (ДКА). И именно в нем во время Великой Отечественной войны эвакуированный по возрасту в Тбилиси замечательный писатель Викентий Вересаев получает, по его словам, свой лучший гонорар. Со сцены этого дома он часто рассказывал тбилисцам о Пушкине. И на встрече с семьями офицеров одна слушательница протягивает ему кусок шоколада. А потом, выслушав его рассказ «Букет», протягивает еще один: «Это для сердца. Я врач». Писатель берет «гонорар».

А за стенами зрительного зала в то же самое время подмывает проспект Руставели 14-летний мальчик Тигран, родившийся во дворе этого дома, в каморке дворника Вартана. С началом войны ушел на фронт его старший брат, умерла мать, и он начинает работать помощником киномеханика здесь же, в ДКА. Еще через год не стало отца, и парень сменяет его с метлой, а зимой – со скребком и лопатой. Через 20 лет уроженец столь примечательного места Тигран Петросян станет

Давид Числиев

девятым чемпионом мира по шахматам и вспомнит: «Да, тяжелое было время, военное – и работать приходилось, и учиться, и шахматами заниматься».

После войны и до 1990-х годов Дом офицеров был, говоря официальным языком тех лет, подлинным очагом культуры. Который согревал своим теплом тысячи и тысячи людей, причем не только военных. В нем были очень хорошие, доступные любому библиотека и столовая. Девушки со всего города стремились к опытным портнихам, преподававшим на курсах кройки и шитья, десятки молодых людей перезнакомились здесь в танцевальном кружке.

А какие виртуозы кия бли-

Кариатиды Якова Николадзе

стали здесь на биллиарде! А с каким размахом организовывались новогодние елки для тбилисской детворы! Причем на них с удовольствием ходило и немало молодых папаш. Ведь вокруг елок кружились в хоровах, в мини-шубках и красных сапожках, румяные снегурочки – солистки Окружного ансам-

бля песни и пляски...

В зрительном зале Дома офицеров происходили события, которые не могли иметь места на больших сценах того времени. Именно здесь Андрей Тарковский представил тбилисцам своего «Сталкера» и отвечал на все вопросы из переполненного зала. Здесь дебютировали в Грузии певицы Елена Камбуrowa и Жанна Бичевская. Здесь делились своими планами Вениамин Смехов, Леонид Филатов и другие актеры Театра на Таганке, ожидающие возвращения Юрия Любимова из-за границы... В общем, кто-то что-то не досмотрел в высоких начальственных кругах, определяющих, что следует «не пущать».

Та же доля вольнодумства, была и в репертуаре кинотеатра Дома офицеров – одного из пяти на отрезке проспекта от Оперы до нынешней площади Свободы. К радости горожан в нем шли замечательные фильмы, которым в те годы не суждено было попасть на «первый экран». Достаточно вспомнить картину Андрея Вайды «Все на продажу» о судьбе выдающегося польского актера Збигнева Цыбульского. Или французскую «Недостой-

Николай Черепнин

ную старую даму» по Бертольду Брехту. Или «Андрея Рублева» и «Зеркало» того же Тарковского. Или «Фокусника» Петра Тодоровского с блистательным Зиновием Гердтом...

Советский Союз уже перестает существовать, а кинотеатр

Григор Робакидзе

Зрительный зал и фасад Дома офицеров

в этом здании все еще работает. Правда, уже под другим названием – его переименовывают в честь великой актрисы Нато Вачнадзе. И когда это имя латинскими буквами появляется на угловом фасаде под кариатидами – NATO – кое-кто решает, что в начале 1990-х в Тбилиси уже открылось представительство Североатлантического альянса.

Сейчас в этом здании звучит лишь музыка обосновавшегося здесь Грузинского академиче-

ского ансамбля «Эрисиони». Но скоро прославленный коллектив перейдет в другое, уже подготовленное для него помещение. А дальше? И тут самое время обратить внимание на сообщения информационного агентства NewsTbilisi и информационного портала «Новости-Грузия». Еще 5 февраля 2020 года они сообщили, что «Мэрия Тбилиси планирует начать восстановительные работы двух памятников культурного наследия: это Дворец молодежи близ площади Свободы и так называемый Дом офицеров на проспекте Руставели, на пересечении улиц Табукашвили и Лагидзе».

Дальше – больше. Как сообщил «на заседании городского правительства мэр Тбилиси Каха Каладзе, в ближайшее время мэрия объявит тендер, а сам ремонт займет около двух лет. Каладзе подчеркнул, что здания находятся в аварийном состоянии, а из квартир в Доме офицеров пришлось переселять жильцов». И еще: «Для ремонта Дома офицеров на Руставели выделяется 17 миллионов лари (более 5,9 миллионов долларов). «Там будут сняты поврежденные части и выстроены кирпичные стены с сохранением облика, будет укреплен фундамент

и остальные стены», – сказал Каладзе. Также будет благоустроен внутренний двор здания, территорию озеленят, а старые дренажные и канализационные сети заменят».

Дом офицеров на пересечении улиц Табукашвили и Лагидзе? Да еще с выселяемыми жильцами? Благоустройство крохотного дворика? Озеленение территории? Строительство кирпичных стен? Что за бред! – вправе воскликнуть читатель. Но если вчитаться еще раз, поймешь: речь идет о нижней части здания бывшего Кадетского корпуса рядом с Оперой. Мэрия путает его (а журналисты тиражируют эту ошибку) с Домом офицеров на углу Руставели и Бесики.

Так что же будет со зданием-юбилеем, когда его покинет «Эрисиони»? Нынешние его владельцы уже «отличились»: уничтожили остатки фресок «Ладьи аргонавтов». Сейчас будущее этого строения зависит и от мэрии. Которая считает Домом офицеров совсем другой дом. Что ж, поживем – увидим, в каком облике этот памятник архитектуры встретит свой следующий юбилей.

Мемориальная доска Тиграна Петросяна

SINCE 1884

SARAJISHVILI

სარაჯიშვილი

